

INSPIRIA

Рождественский магазинчик Флоры

РЕБЕККА РЕЙСИН

INSPIRIA

Ребекка Рейсин
Рождественский
магазинчик Флоры
Серия «Сурсаке. Счастливый
магазинчик Ребекки Рейсин», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69817309
Рождественский магазинчик Флоры: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-193545-0

Аннотация

Идеально для поклонников романов Дженни Колган и Джули Кэплин! Рождественская история любви.

Флора любит Рождество больше всего на свете, поэтому она очень расстроена, когда ее босс, похожий на Скруджа, увольняет ее в канун праздника. Но теперь у Флоры появился шанс осуществить свои мечты: она покупает фургончик на колесах и отправляется в Лапландию.

Впереди Флору ждет горячий шоколад, сани с оленями и атмосфера праздника, но в первый же день она встречает Коннора. Один его взгляд заставляет ее сердце трепетать. Кажется, она влюбилась по уши. Только есть одна проблема – Коннор ненавидит Рождество.

«Прозительная и причудливая история о любви». – Сюзан
Мэллери

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	60
Глава 6	75
Глава 7	89
Глава 8	98
Глава 9	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ребекка Рейсин Рождественский магазинчик Флоры

Это для тебя, Шерил Янг. Лучшей МТWP на свете!

Rebecca Raisin

FLORA'S TRAVELLING CHRISTMAS SHOP

First published in Great Britain by HQ in 2021 under the title

FLORA'S TRAVELLING CHRISTMAS SHOP

Copyright © Rebecca Raisin 2021

Translation © Eksmo Publishing 2023, translated under

licence from HarperCollinsPublishers Ltd.

Rebecca Raisin asserts the moral right to be acknowledged as the author of this work.

© Захаров А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Это любовь?

Я размышляю над этим важным вопросом, готовясь к свиданию с Люком, в то время как моя лучшая подруга Ливви лежит, растянувшись на моей кровати, уткнувшись в книгу, не подозревая, что я нахожусь в эпицентре экзистенциального кризиса.

В поэте Люке есть нечто такое, *даже не знаю что*, вызывающее у меня головокружение при мысли о том, что могло бы быть. Он так *отличается* от любого другого парня, с которым я встречалась. С ним не бывает вечеров типа «поужинать и сходить в кино». Наши свидания – чудесные приключения, которые заставляют меня чувствовать себя полностью живой.

Мы с Люком часто ходим по книжным, проводя долгие ленивые воскресенья в маленьких магазинчиках. Мой любимый – маленькое меланхоличное местечко в каком-нибудь всеми забытом переулке, где книги в твердом переплете лежат жесткими стопками, а в воздухе витает душный аромат прошлого. Наши шаги поднимают пыль, а пожилой джентльмен наблюдает за нами сквозь клубящийся дым его трубки, будто время остановилось в этом затхлом древнем районе Лондона и правила здесь неприменимы.

Я хочу найти такой рай для себя, и, возможно, сходить ту-

да с Люком, который водил меня на поэтические дуэли. Там он с важным видом выходит на сцену и побеждает других поэтов, всегда умудряясь передать так много чувств таким малым количеством слов. От того, как он манипулирует двадцатью шестью буквами алфавита, превращая их во что-то пьянящее и удивительное, у меня захватывает дух.

Люк, кажется, занимает так много места своими грандиозными идеями и краткостью. Он как будто пульсирует жизнью, и благодаря постепенному осознанию я впитываю этот энтузиазм, поскольку вижу, как литература может изменить настроение, жизнь, сердце.

Мы пробирались в художественные галереи, зависали в библиотеках и посещали митинги за расширение прав и возможностей женщин – он феминист. Союзник! Он настоящий; *наконец-то*, спустя столько времени, я нашла мужчину того типа, о котором всегда мечтала, после стольких неудачных попыток с более мелкими мужчинами, которые лишь хотели изменить меня, успокоить, сделать не такой... шумной, наверное.

Люк открыл мне глаза на совершенно новый мир, о существовании которого я и не подозревала. Он такой сложный в одном смысле и такой простой в другом, и он украл частичку моего сердца за очень короткий промежуток времени. Но лучше всего то, что он не дает никаких советов о том, какой идеальной девушкой я была бы, если бы только изменила себя, чтобы вписаться, соответствовать.

Прямо сейчас мои своенравные кудри отказываются поддаваться укрощению – наверное, немного похожи на меня, – поэтому я оставляю их растрепанными. Я завершаю свой макияж мазком блестящих теней для век и мазком густой туши для ресниц.

– Прошло два месяца, Лив. Как ты думаешь, это приглашение выпить в последнюю минуту означает, что с Люком вот-вот все станет серьезно? По правде говоря, я влюбляюсь в этого парня, но чувствует ли он то же самое? Каждые неудавшиеся отношения заставляли меня немного осторожнее открывать свое сердце. Каждое расставание, которых было много, подрывало мою уверенность в себе. Меня всегда «слишком много» для мужчин.

Она бросает на меня взгляд поверх своей книги.

– Да, я бы так сказала. Что именно говорилось в его сообщении?

«Встретимся в «Кривой гальке», выпьем чего-нибудь. Мне нужно тебя увидеть».

Немного поразмыслив, она говорит:

– Мне кажется, он скучает по тебе. Разве ты не должна была пойти с ним завтра на презентацию книги?

– Да, завтра вечером. Пришлось умолять Магду позволить мне поменяться с Джоной местами в дневную смену. – Мне нравится все в моей новой работе в рождественском магазине Deck the Halls, за исключением, может быть, того факта, что мой босс – огнедышащий дракон, а мой коллега Джона

манипулирует любой ситуацией в свою пользу. Но, эй, у тебя не может быть всего, и если мне платят за то, что я пою рождественские гимны, помогая клиентам, для меня это победа. Историю моей предыдущей карьеры можно подытожить одним словом: *катастрофическая*. Обычно потому, что я говорю прежде, чем думаю. Мой рот склонен доставлять мне всевозможные неприятности, поэтому в последнее время я очень стараюсь пресекать любую пустую болтовню на работе и выполнять свою работу в меру своих возможностей. Я чувствую, что нашла свой дом среди «шелкунчиков» в Deck the Halls, там, где что-то перекликается с моей страстью ко всему праздничному.

– Так это значит, что Люк не может подождать всего двадцать четыре часа, чтобы увидеть тебя, – ему пришлось потребовать твоего присутствия в этот прекрасный зимний вечер, да? – Ливви пожимает плечами. – Этот человек влюблен, и кто может его винить?

Я улыбаюсь.

– Я надеюсь на это. Я думаю, мы движемся в правильном направлении. Мужчин просто очень трудно подловить на слове, особенно мужчин в Лондоне, но Люк не подходит под этот шаблон.

Она листает страницу книги, и, клянусь, я слышу, как кричат книжные черви по всему миру.

– Как ты думаешь, он собирается сделать это официально?

– Я не знаю. Мы переходим от ситуативных отношений

к настоящим, преданным отношениям. Я была в бесчисленных ситуативных отношениях, что на самом деле является более добрым термином для друзей с привилегиями, или, что еще хуже, как говорят мои американские друзья, – «сексом по вызову». Я виню нереалистичные голливудские фильмы в этом засилье мужчин, избегающих обязательств, в больших городах.

– Что ж, ты на правильном пути, Флора. Он кажется искренним, как будто у него в голове есть приличные мозги.

– Больше всего мне нравится его напористость. То, как он знает, чего хочет, и идет к этому. Он не занимается самокопанием.

– Значит, немного похож на тебя? Спонтанность – твоё второе имя.

– Вроде того?

Мы смеемся. До этого момента мою личную жизнь лучше всего можно было бы описать как короткую, острую и хаотичную. По какой-то причине я, кажется, никогда не дотягиваю с мужчинами до трех месяцев. Я не хлопаю ресницами и не притворяюсь застенчивой, не веду себя надменно и недоступно. Я – это просто я, во всем своем красочном великолепии, но это ничего не дает мне. Я с самого начала спрашиваю мужчин о том, чего они хотят от жизни, и это, как правило, пугает их. Но почему мы не можем сказать, что мы чувствуем? И чего мы хотим? Почему мы должны притворяться?

Я люблю любовь! Я влюбляюсь по уши, прежде чем все это закончится, снова и снова. Мне всегда говорят, что я тороплю события, но это правда или просто отговорка, потому что парни, с которыми я встречаюсь, никогда не хотят остепеняться? Не хочешь быть привязанным к одной женщине на всю оставшуюся жизнь?

По мере того как я приближаюсь к большой тройке с нулем, я очень хочу найти настоящую любовь. Кто не планировал свою свадьбу с начальной школы? Перецеловав слишком много «лягушек», я составила контрольный список, чтобы сэкономить время и нервы. Он длинный, подробный и немного причудливый, но в конечном счете это к лучшему...

Вот почему Люк особенный. Он не побледнел, когда я ненавязчиво расспросила его, одновременно ставя галочки в этом волшебном списке обязательных вещей для идеального мужчины.

– Он, должно быть, очень хочет вывести отношения на новый уровень, – говорит Ливви. – И это может быть только к лучшему.

Я брызгаю на себя духами.

– Да, я полагаю. Это, или он просто хочет секса.

Она смеется.

– Я уверена, что это приходило ему в голову.

– Полагаю, есть только один способ выяснить это.

– Я не буду тебя дожидаться.

– Я не буду ночевать у него, пока не пройдет по крайней

мере три месяца! Все это так по-детски, когда его соседи по квартире крутятся вокруг, подталкивая его локтем и лукаво подмигивая. Не для меня такие вещи. – Я качаю головой при этой мысли.

– Не обращай на них внимания – они, наверное, ревнуют! Просто сделай это.

– И я не буду добавлять к этому случайный секс, пока не буду уверена, что он настоящий.

Она делает вид, что раздражена.

– Хорошо, будь собой, Флора, и я надеюсь услышать все об этом завтра за завтраком.

– За завтраком? Ты что, не слушаешь? Ты знаешь, я не ханжа, но я также не сторонница случайного секса ради секса. Если только этот парень не одинокий брат-близнец Джейсона Момоа, тогда мне это неинтересно, пока я не буду уверена, что у нас все в порядке! Но если ты будешь спать, когда я вернусь домой, я пришлю тебе полный отчет, не волнуйся об этом!

Ливви обнимает меня, и вскоре я выхожу в ледяную лондонскую ночь.

Глава 2

Пока Люк достает наши напитки, я нахожу столик у окна. Снаружи сверкающие рождественские огни отражаются в чернильной Темзе, переливаясь шафраном и нефритом, как на картине Ван Гога. Меня завораживает, как река плещется и вихрится, заставляя цвета колебаться в потоке.

Люк возвращается и садится напротив меня, но я все еще наполовину погружена в оцепенение от красоты воды. Он прочищает горло.

– Я рад, что мы смогли наверстать упущенное. Я хотел кое о чем с тобой поговорить.

– Так говори, – соглашаюсь я, обхватив голову руками и представляя различные сценарии. Где мы будем жить: вероятно, в крошечной квартирке в переоборудованном складе в Сохо. Где мы проведем наш первый настоящий отпуск: в Нью-Йорке, с его литературными притонами? В Париже, с его романтикой? Или, возможно, в Греции, с ее солнцем и узо после долгих расслабляющих пляжных дней.

– Последние пару месяцев было весело, – говорит он своим шелковистым проникновенным голосом.

Я киваю, едва в состоянии выговаривать слова, пока мое сердце отрывисто бьется. Может быть, он написал новую книгу стихов, посвященную нам? Он собирается пригласить меня послушать, как он читает на сцене для публики, заяв-

ляя, что никогда раньше не испытывал ничего подобного. До сих пор я никогда по-настоящему не верила в настоящую любовь.

– Но...

Но?

– Пришло время покончить с этим, пока кто-нибудь из нас не пострадал.

Эй, эй, эй.

– *Что?*

Он пожимает плечами.

– Мы не подходим друг другу. – Слова вылетают как пули, которые пронзают мое тело, бах, бах, бах. Это что, какой-то идиотский розыгрыш? Это тот самый парень, который шептал мне на ухо всякие милые пустяки в темных закоулках библиотеки. Парень, который сказал: «Богатство – это конструкция», – когда мы пробрались в галерею, не заплатив, и держались за руки, проходя мимо бесценных произведений искусства.

К моему стыду, слезы щиплют мне глаза.

– Это... сюрприз. – Тот, который совершенно выбил у меня почву из-под ног. – Почему мы не подходим друг другу? – Я изо всех сил пытаюсь разобраться во всем этом. Как я могла так неправильно это истолковать? *Снова!*

Все это время я думала, что он другой, лучше прочих мужчин, но сейчас, сидя напротив меня, он выглядит точно так же, как все остальные. Как будто его охватила скука, и

он перестал изображать одухотворенного поэта. Даже в его глазах есть что-то откровенно обвиняющее. *Это я?* Это мне нужно измениться? Повторяется одна и та же старая схема.

Люк залпом выпивает свой напиток, как будто собирается уходить. Он взорвал гранату и теперь собирается бежать в укрытие.

– Просто тебя для меня многовато, Флора. Ты немного слишком... как бы это сказать? – Он задумчиво потирает подбородок, как будто мы не в процессе расставания. – Ты чокнутая, вот подходящее слово. Сначала я подумал, что это освежает, даже мило, но теперь я не так уверен. – Он хмурится, разглядывая тушь, которая, я чувствую, стекает по моему лицу, прежде чем поспешно заверить меня: – Это не значит, что тебе нужно переодеваться ради меня! Где-то есть парень, который будет в восторге от твоих странностей, но этот парень – не я.

Моя печаль быстро сменяется раздражением, и я сопротивляюсь желанию поколотить его.

– Мои странности?

Он корчит гримасу, которая наводит на мысль, что я надоедаю ему своими вопросами, как будто он всего лишь хотел сорвать липучку и уйти, чтобы его не удерживали все мои эмоции.

– Да, Флора, ты, конечно, не в первый раз слышишь подобные вещи? Странность может быть хороша, но она ведь может быть и немного надуманной, понимаешь?

Я не отвечаю, потому что не понимаю.

Вздыхнув, он продолжает:

– Ты каждый день одеваешься так, словно Рождество каждый день...

Я издала смешок.

– Я работаю в рождественском магазине!

Люк бросает на меня один из тех взглядов, которые говорят: я не сержусь, я просто разочарован в тебе.

– И все же мы здесь в нерабочее время, а на тебе джемпер с надписью: «Сани – мое имя!»

Боже, это предел.

– Потому что это так забавно! И разве не в этом сама суть Рождества? Чтобы повеселиться?

– Сейчас ноябрь!

– Вот именно! – Неужели он сам себя не слышит? В его словах вообще нет никакого смысла! Как мог этот гладко говорящий волшебник слова с шелковистым голосом превратиться в... этого, этого обычного заурядного Джо? Мне интересно, в здравом ли он уме, перемена такая внезапная, он резко отличается от того Люка, который был последние восемь недель.

– У тебя высокие каблуки, на которых повсюду изображены сверкающие Санта-Клаусы. – Я бросаю на него холодный, жесткий взгляд, но дурак просто продолжает: – А твои ногти, они покрашены в цвета куртки Санта-Клауса?

– Да, черт возьми, так оно и есть. *Кропотливо* расписаны

вручную Минь, моим мастером по маникюру, художником в своей области! Мужчины просто не понимают этого, не так ли? – Значит, эту мою любовь ко всему рождественскому ты находишь такой оскорбительной? И это *все*?

– Ну, я также чувствую, что ты, возможно, забегаешь вперед, в то время как я просто хотел чего-то попроще. Ты красивая девушка, просто... – Кто этот монстр? Куда делся мой чувствительный поэт «*давай переживем все чувства*»?

Неужели он все это время притворялся? Игра в свидания в этом чертовом городе СЛОМАНА.

– Как я могла так торопиться? Это ты хотел физической близости в самую первую ночь, или, говоря языком парней, разве это *не* ускорение события? Это потому, что я сказала «нет» и задела твои чувства? Твое крошечное мужское самлюбие не выдержало, когда я нажала на тормоза в самую первую ночь нашей встречи?

– Нет, Флора, это было прекрасно. Мое крошечное мужское эго не пострадало. Дело было не в этом, а во всех этих вопросах о местах проведения свадьбы в зимней стране чудес, под какую рождественскую песню ты пойдешь к алтарю и тому подобных вещах, которые вывели меня из себя. И еще этот странный вопрос об именах северных оленей?!

Ладно, ладно, возможно, некоторые из моих недостатков в свиданиях проявились по ходу дела, но можно ли винить человека за то, что он хочет знать ответы на эти насущные вопросы? Это же не то чтобы я *сделала предложение* парню!

И все это есть в контрольном списке и должно быть рассмотрено в какой-то момент, так почему бы не сейчас?

Я поднимаю руку, чтобы заставить его захлопнуть пасть.

– Послушай, тебе повезло бы, если бы я, по крайней мере, подумала о том, чтобы выйти замуж за такого парня, как ты, чертовски повезло бы, но я хочу, чтобы ты знал, что эти вопросы предназначены исключительно для того, чтобы выявить потенциально несовместимых мужей – для брака в будущем. Если у нас обоих разные представления о браке, то нет смысла тратить время впустую, не так ли? Не то чтобы я уже хотела связывать себя узами брака, но я также не хочу тратить впустую пять лет с тобой только для того, чтобы потом услышать, что ты хочешь пожениться в непраздничный сезон в Вегасе с имитатором Элвиса, пока я иду к алтарю под «Люби меня нежно» или чего-то в этом роде, столь же неподходящего.

Он морщится.

– Но все же брак, Флора? Еще слишком рано даже *упоминать* слово на букву «Б»!

Я скрещиваю руки на груди, а потом понимаю, что это выглядит как защита, поэтому снова их разнимаю.

– И все же ты упомянул слово на букву «С» во второй чертов час нашей встречи, и *это нормально*? Там должен был быть большой красный флаг, мигающая флуоресцентная вывеска, орущая: ФАЛЬШЬ! Вы все в этом одинаковы, просто ищете случайных связей, перескакиваете с одной девушки

на другую. В общем, я не заинтересована в случайном сексе и особенно не заинтересована в случайном сексе с кем-то, кто не продумал место проведения своей собственной свадьбы!

Я хватаю свою сумочку – мою очень китчевую и милую сумочку в виде рождественской елки – и поспешно ухожу. Еще больше времени потрачено впустую с еще одним парнем, который просто хочет посмотреть Netflix и расслабиться. Seriously, куда подевались все хорошие парни?

* * *

Вернувшись в квартиру, я резко распахиваю дверь и врываюсь внутрь.

– Ливви! О боже, он порвал со мной, потому что, *очевидно*, я странная! Это что, какой-то код? Новое «Это не ты, это я»?

Ливви поднимает голову с дивана, ее глаза широко раскрыты от шока.

– *Что?* Как все это произошло? Что именно он сказал?

– Ну... – я плюхаюсь рядом с ней. – В основном, что я слишком чокнутая, но не волнуйся, я красивая, и какой-нибудь другой мужчина сразу же меня прихватит, кто-то, кому понравятся мои *странности* или еще какая-нибудь чушь. И еще я продвигаюсь слишком быстро, потому что несколько дней назад я случайно спросила его, что он чувствует по поводу некоторых мест проведения свадеб и песен при прохо-

де к алтарю.

– О, Флора, нет!

– Да!

Она кладет голову мне на плечо.

– Может быть, ты могла бы отложить подобные расспросы хотя бы до второго месяца?

– Нет, лучше сразу выяснить, с кем я имею дело.

– Ладно, продолжай в том же духе, Флора, вот что мне в тебе нравится. Ты всегда участвуешь в своей собственной гонке.

– О боже, ты считаешь меня эксцентричной, сумасбродной и озабоченной...

– Все лучшие люди таковы.

– Я думаю, что на какое-то время откажусь от мужчин. Может быть, навсегда. Вместо этого я выйду замуж за надутного Санту или что-то в этом роде, как люди, которые выходят замуж за свой любимый мост или скалу. Что-то *значимое*.

– Звучит очень разумно.

– Ух, ну что ж... по крайней мере, у меня есть моя новая замечательная, приносящая удовлетворение работа в Deck the Halls, продавцом-кассиром в самом волшебном месте на земле, которая отвлекает меня от очередного сердечного разочарования. Мне там чертовски нравится, и я знаю, что скоро смогу встать на ноги и вернуть свою жизнь в прежнее русло. И лучше всего то, что ты рядом со мной, когда жизнь

сбивается с намеченного курса. Ты всегда рядом, чтобы поправить мои паруса...

– Насчет этого... – говорит Ливви, выпрямляясь. – Подожди, тут нужно выпить вина. – Она бросается на кухню и возвращается с двумя бокалами для вина и роскошной бутылкой красного.

– О нет, изысканное вино. Ты умираешь? Я умираю? Что происходит! – Я не могу удержаться от крика. Изысканное вино появляется только тогда, когда происходит катастрофа, и мы выражаем соболезнования. Если мы празднуем, у нас всегда, всегда есть мыльные пузыри.

Ливви запрыгивает обратно на диван, заставляя меня распластаться на подлокотнике.

– Никто не умирает. Вот, поддержи их.

Я беру предложенные бокалы, пока Ливви открывает вино и наливает хорошую здоровую дозу.

– Неизвестность убивает меня, Лив, продолжай в том же духе.

– Ладно... – она заправляет прядь блестящих черных волос за ухо. – Ты знаешь, как я обратилась в эту компанию по поводу своей коллекции средств по уходу за кожей?

Ливви – косметолог, у нее собственная небольшая клиника, специализирующаяся на ботоксе, наполнителях для губ и тому подобном. Она обслуживает преуспевающих лондонцев, которым нужна небольшая косметическая помощь. По крайней мере раз в неделю она просит меня побыть под-

опытным кроликом, но я не могу смириться с мыслью о том, что иглы вонзаются в мою кожу, а мое лицо замораживается из-за какого-то токсина, хотя я вижу, что здесь привлекательность. Ливви всю оставшуюся жизнь будет выглядеть как сногшибательная подретушированная двадцатилетняя девушка, в то время как я буду морщиться год от года, как портрет Дориана Грея.

– Да, я помню тех модных типов из Лос-Анджелеса, которые все были очень романтичными! – Она смеется над тем, какое милое личико я делаю. – Они говорили «да», не так ли? – Поскольку Ливви – отличница, клиники было недостаточно, поэтому она разработала эту удивительную линейку средств по уходу за кожей, которая каким-то образом стирает мелкие морщинки лучше, чем любая косметика. Она искала компанию, которая инвестировала бы в это для финансирования клинических испытаний, чтобы она могла представить бренд всему миру.

– Они предложили мне сделку. Это единственный способ, которым я могу построить свой бизнес, Флора. Я не могу сделать это в одиночку, а у них есть средства, чтобы осуществить это с размахом, и тогда я стану богатой и знаменитой и куплю тебе любого надувного мужа Санту, которого ты захочешь!

– Спасибо, что предложила купить мне мужа – это очень мило. Но эта компания находится в Лос-Анджелесе, а это значит, что ты будешь в Лос-Анджелесе! – Я закрываю ли-

цо руками и стараюсь не завывать. – И как, по-твоему, я буду справляться без тебя? – У меня такое всепоглощающее чувство, что это происходит снова... моя жизнь выходит из-под контроля. Расставание, и теперь моя лучшая подруга переезжает с континента на континент, и все это за один вечер! Нет, я не стану ноющей Нелли! Я сильная, почти тридцатилетняя женщина, которая приведет свою жизнь в порядок!

– Что, если ты поедешь со мной?

– И оставить все... это? – «Все это» на самом деле *принадлежит* Ливви. – Мне нужно подумать о своей потрясающей работе кассира. Я нужна людям. Клиенты зависят от меня и моего экспертного мнения по всем праздничным вопросам. – Слова вырываются немного механически, когда я пытаюсь взять себя в руки ради Ливви. Никто не хочет, чтобы странный, чокнутый плакса мешал их торжеству.

– Я это вижу. И я не уйду навсегда. Пройдет год или около того, пока мы все уладим, а потом я вернусь руководить лондонским офисом.

– Посмотри на себя, *лондонский офис*. Я безумно горжусь тобой, Лив, даже если это означает, что я теряю тебя. – Второй раз за ночь мои глаза застилаются слезами.

– Ты никогда не потеряешь меня.

Я все шмыгаю и шмыгаю носом.

– Когда ты уезжаешь?

– Как только смогу, но, вероятно, потребуется месяц или около того, чтобы разобраться с клиникой, так что я буду

«играть на слух» и закажу билет на самолет, как только здесь все уладится. Я начала размещать рекламу найма менеджера. Я составила пакет условий труда и оплаты, включая квартиру в рамках сделки. Очевидно, что ты тоже можешь остаться – это не изменится.

– Но я даже не плачу за аренду, так как остаюсь только до тех пор, пока не приведу себя в порядок. – Ну, это то, что я сказала, когда восемнадцать месяцев назад переехала в свободную комнату Ливви. Черт возьми, время летит незаметно, когда ты в тупике.

– Не беспокойся об арендной плате.

Но я действительно волнуюсь. Я всегда обещала себе, что не буду зависеть от Ливви в финансовом отношении. Я ненавижу подобные вещи. Она позволила мне жить здесь бесплатно, потому что моя жизнь – сплошная катастрофа, но оставаться здесь без нее – совсем другое дело. И я никогда не смогла бы позволить себе арендную плату в центре Лондона, даже за комнату размером с обувную коробку.

В глубине души я думаю, что Ливви все еще считает себя обязанной мне после того, как практически выросла у Нэн. Всегда есть потребность «отплатить» мне за то, что я поделилась своей семьей, сделав ее одной из нас. Она никогда не говорит об этом многословно, но мы достаточно долго были подругами, в некотором смысле сестрами, чтобы я знала ее мотивы без необходимости сообщать о них. Хотя мне бы очень хотелось, чтобы она так не думала. Семейная жизнь

Ливви была омрачена ядовитыми отношениями ее родителей, и именно поэтому она так упорно борется – она не хочет быть обязанной никому. Я восхищаюсь ею за это. Больше, чем когда-либо ранее. Выйти из такого детства, как у нее, и стать таким всесторонне развитым, внимательным, сострадательным добытчиком – это вдохновляет. Этот огонь горел у нее в животе еще тогда, когда она заплетала волосы в косички.

– Я найду другое место, – бодро говорю я, пытаюсь убедить ее, что беспокоиться не о чем. – Что-нибудь поменьше. – Читай: дешевле. Мне придется переехать на самую окраину Лондона, чтобы иметь возможность позволить себе снимать комнату на мою мизерную зарплату – но по крайней мере у меня есть зарплата, и за это стоит быть благодарным. – Я потеряла своего парня, а теперь и лучшую подругу, и все это за один день. Будем надеяться, что завтра будет лучше.

– С тобой все будет в порядке, а если ничего не получится, я пришлю за тобой частный самолет.

Мой рот приоткрывается.

– У них есть частный самолет?

– Нет, но это звучит очень по-лос-анджелесски.

– Так и есть! А как насчет твоей второй половинки? Что он может сказать обо всем этом? – Я терпеть не могу этого парня; я даже не могу вспомнить его дурацкое имя.

Она вздыхает.

– Я ему еще не сказала. – Я надеюсь, что ради всего свя-

того она бросит нового парня и будет жить дальше. Я могу сказать, что он ей не очень нравится, даже если она притворяется, что это не так.

Мы распиваем бутылку красного и смеемся-плачем весь вечер напролет. Потерять Ливви – все равно что потерять правую руку. Мы были лучшими подругами с самого детства, и она все еще приходит мне на помощь два десятилетия спустя.

Кем я буду без нее?..

Глава 3

Следующим вечером, когда я должна была быть на презентации книги друга Люка, я сижу в пижаме «Помощник Санты», потягиваю гоголь-моголь с вином и гадаю, что же все-таки пошло не так. Помогает гоголь-моголь; это такой успокаивающий рождественский напиток, который вызывает в воображении уют и тепло, как на Рождество у моей бабушки. Она была румяной, жизнерадостной женщиной, которая никогда ни о ком не сказала плохого слова, но стоило начать с ней спорить и вы узнаете обратную ее сторону. Бабушка была одной из тех, кто подбирает потерянных и сломленных, кормит их, дает им приют и отпускает на свободу, зная, что у них всегда есть ее распростертые объятия, в которые можно вернуться в случае необходимости.

Мои родители были другими. Они больше заботились о внешнем виде, о том, чтобы вести себя тихо – чтобы соседи не услышали, – пока внешне мы выглядели прилично, все было хорошо. Мои родители потратили годы моего становления на то, чтобы убедить меня, что я не вполне соответствую их стандартам, я недостаточно старалась добиться успеха, я не шла ни в какое сравнение со своими братьями и сестрами. Причем до сих пор все так и остается, если честно. Дом моей бабушки был моей тихой гаванью, местом, куда я приходила за любовью и одобрением.

Я очень скучаю по ней. Она – причина, по которой я так обожаю Рождество. Каждое Рождество я проводила у нее дома, помогая замешивать тесто для домашних пирогов с фруктовым фаршем, и мы подпевали рождественским песням. Она позволяла мне отмерять бренди для смеси из сухофруктов, в том числе рюмочку для нее, «чтобы убедиться, что оно не отравлено, моя дорогая». Аромат корицы и мускатного ореха до сих пор возвращает меня на ту маленькую, опрятную кухню и к образу моей жизнерадостной бабушки в фартуке, которая хихикает после двух маленьких глотков, ее румяные щеки почему-то становятся еще краснее, глаза слезятся, когда она заявляет:

– Я люблю тебя, ты знаешь, моя драгоценная Флора. Ты отличаешься от других, и запомни мои слова, ты им всем покажешь. Ты поздноцветущая, вот и все, моя дорогая, и знаешь, что такого необычного в том, чтобы быть поздноцветущей?

– Что? – спрашивала я, испытывая трепет восторга от того, что бабушка смогла разглядеть во мне что-то особенное, то, чего не смог бы увидеть никто другой. Я, среднестатистическая студентка, девушка, которая слишком долго строила воздушные замки, сестра, которая проигрывала в сравнении. Дочь, которая Всего Лишь. Не Станет. Слушать.

– Поздноцветущие инстинктивно знают, что им нужно подождать, пока произойдет волшебство. А волшебная жизнь требует времени. Ты же не можешь сейчас торо-

пить магию, не так ли? Поэтому ты позволяй природе идти своим чередом и игнорируй тех, кто пытается приглушить твою искру...

Я не знаю, сколько раз у нас был точно такой же разговор. Как будто бабушка знала, что мне понадобятся напоминания, когда я буду приближаться к тридцати, все еще не «расцветши». Когда я думаю о ней, я возвращаюсь на ее согретую рассказами кухню, окутанную ее любовью, с ароматом рождественских специй, наполняющим воздух. Она с удовольствием заворачивала подарки, сидя на кухонном острове, пока я помешивала в мириадах кастрюль и сковородок, а она лирично рассказывала о том, что она купила, для кого и почему. Эта женщина превратила раздачу подарков в вид искусства. А потом каждый год 1 декабря проводилось украшение коттеджа.

Мы с Ливви забегали к бабушке после школы и проводили вечер, наряжая елки. Всего у нее было двенадцать, по одной на каждый укромный уголок, от большой до маленькой со всеми, что между ними. Мы приклеивали мишуру к потолку, как декоративные флажки. Украшения были аккуратно извлечены из коробочек, заполненных папиросной бумагой, отполированы и выставлены на всеобщее обозрение везде, где мы могли найти место. И самое почетное место занимал освещенный грот, который бабушка обожала. Он все еще хранится у меня в коробке. У меня большинство ее украшений и моя собственная коллекция, которую я собирала всю

свою жизнь. Каждый год бабушка покупала мне украшение, чтобы пополнить мои запасы, и я также вкладывалась в более дорогие линейки, такие как Swarovski и Hallmark. Некоторые девушки тратятся на дизайнерскую обувь, я вкладываю деньги в рождественские украшения! Если бы только бабушка все еще была здесь, она бы поддержала меня кружкой теплого какао и сказала, что мое время пришло и все эти ухабы на пути были частью плана...

Входная дверь открывается со свистом, вырывая меня из моей прогулки по переулку воспоминаний. Для ноября здесь холодно, и я задаюсь вопросом, означает ли это, что у нас рано выпадет снег.

– Как я рада вернуться домой! – говорит Ливви. – Что за день.

– Подожди... – я иду на кухню и наливаю Ливви гоголь-моголь, прежде чем поспешить обратно в уютную гостиную. – Что случилось?

– О, спасибо. – Она отпивает сливочный напиток и опускается в кресло у газового камина, натягивая плед на колени. – Эх, просто одна драма за другой. Это похоже на то, что чем больше я пытаюсь вычеркнуть из своего списка дел, тем больше продолжает добавляться. В любом случае это не имеет значения, на самом деле это просто кажется бесконечным, когда так много нужно сделать, прежде чем я уйду. Как прошел твой день?

– Довольно неплохо, учитывая все обстоятельства. Если

бы не Deck the Halls, я бы сидела дома, смотрела рождественские фильмы Hallmark и задавалась вопросом, почему у милой, но заблудшей героини всегда все получается, а у меня – никогда.

– Почему у них всегда все так легко получается? – сокрушается она.

– Наверное, мне нужно переехать в маленький городок и влюбиться в чокнутого библиотекаря, который на удивление сексуален, когда снимает очки и зачесывает волосы на другую сторону.

– О да. На самом деле, как Карл из «Реальной любви». Хотя он не был библиотекарем и горяч в очках.

– Супергоряч. В любом случае у тебя *есть* парень, даже если он не совсем соответствует стандартам Hallmark. – Новый парень Ливви – полный болван, но она немного расстраивается, когда я выпаливаю это.

– Да, – вздыхает она. – В любом случае хватит обо всем этом. Я притащилась, брыкаясь и крича, из клиники, потому что подумала, что мы могли бы заняться праздничными декорациями. А ты как думаешь? Верный способ поднять настроение нашей праздничной Флоре, не так ли?

– Но ты уезжаешь через три недели. Есть ли какой-то смысл все расставлять только для того, чтобы так скоро снова убрать? – У меня сжимается горло при одной мысли о том, что Ливви уезжает, а я топчусь на месте, пока решаю, где буду жить. И как я собираюсь функционировать без своей на-

персницы и самой умной в нашем дуэте.

– Есть ли в этом какой-то смысл? – говорит она таким тоном, который подразумевает, что он определенно есть.

– Верно! – говорю я, ухмыляясь. – Давай сделаем это! Давай отпразднуем предрождественское Рождество, прежде чем ты уедешь.

– Потрясающая идея!

Я обдумываю, с чего начать.

– Как насчет того, чтобы я устроила нам праздничный пир завтра вечером? – Она бледнеет и пытается быстро прийти в себя, но меня не проведешь. – На этот раз я приготовлю индейку до конца, обещаю. – Это тот рождественский обед, который мы никогда не забудем.

– Как бы заманчиво это ни звучало, но ты завтра работаешь, так что как насчет того, чтобы мне вместо этого подобрать кое-что по дороге домой? В Harrods уже есть несколько вкусных рождественских лакомств.

– О, Harrods чертовски модный. Ты принеси еду, а я принесу шампанское.

– Договорились.

– Давай украсим!

Мы идем в мою комнату и достаем мою коллекцию из пыльных глубин под кроватью.

– Что это за банки от Quality Street? Они наполнены безделушками или чем-то в этом роде? – спрашивает она.

Я краснею.

– Нет, они пустые. Мне нравится заедать душевную боль, когда я расстаюсь, ты же знаешь, как это бывает.

– Судя по количеству банок, расставаний очень много. Ты включаешь первые и единственные свидания в эти... расставания?

– Конечно! Это еще одна причина смириться со своими чувствами.

– Верно.

– Всегда полезно порефлексировать.

– Я уверена, что так оно и есть.

– Хорошо, тогда давай сначала установим елку.

Следующий час мы проводим, попивая хмельной го-голь-моголь, украшая елку и обмениваясь воспоминаниями о том, как вместе росли. Вскоре разговор возвращается к моей бабушке, которая тоже любила Ливви, как внучку.

– Я скучаю по ней, – говорит она, держа на ладони украшение в виде мини-рамки для фотографий. На фотографии, помещенной внутри, изображены я, бабушка и Ливви, лица прижаты друг к другу, в наших глазах смех. – С тех пор Рождество никогда не было прежним, не так ли? – Ее голос срыгается.

Я притворяюсь, что изучаю свои ногти, как будто они заворачивают, не желая поддаваться слезам, но зная, что это неизбежно.

– С тех пор каждое Рождество мы проводим как можно лучше, Лив, не так ли? Но ты права, оно не такое, и я не ду-

маю, что когда-нибудь будет таким же. – Несмотря на то что я много лет в детстве провела на кухне бабушки, я не могу воссоздать ни одно из блюд, которые она готовила, не отравив людей. Мы можем сидеть у теплой духовки, смеяться, шутить и петь, но все равно не хватает ключевого элемента – бабушки. Но хотя мне от этого грустно, я в то же время всегда испытываю благодарность. Не у каждого бывает такая любящая бабушка, какой была моя, и я рада, что мне удалось провести с ней столько времени, сколько провела я. Мое сердце полно воспоминаний, как и у Ливви, и мы стараемся следовать всем тем традициям, которые она нам оставила.

– Выпьем за бабушку, – говорит Ливви, поднимая свою кружку с гоголь-моголем.

– За лучшую женщину, которая когда-либо ходила по этой земле. – Мы чокаемся кружками и говорим «ура».

– Знаешь, ты на нее похожа.

– Я совсем на нее не похожа, – говорю я. – Она была грозной и общительной и обладала способностью заставлять тебя чувствовать себя в безопасности и в любви, самым важным человеком на планете.

Ливви делает паузу и бросает на меня такой взгляд, который говорит о том, что я не слушаю.

– Ты тоже так поступаешь с людьми, Флора. Ты просто этого не видишь. Тебе всегда кажется, что ты лезешь не в свое дело, но обычно это происходит, когда ты заступаешься за тех, кто не может или не знает, как это сделать. Твоя

бабушка так гордилась бы тобой за это.

– Теперь ты просто пытаешься довести меня до слез.

Она крепко обнимает меня.

– Давай покончим с этим деревом, а?

Глава 4

Телефон звонит и звонит – *где* он? Что касается коллег по работе, то Джона – самый близкий мне человек, но эта привилегия также сопряжена со своими проблемами. Джона всегда делает то, что лучше для Джоны. Он с такой же вероятностью бросит меня под автобус, как поменяет смену или соврет ради меня в случае крайней необходимости, подобной той, с которой я сейчас столкнулась. Но у меня нет особого выбора, поэтому я продолжаю мчаться по городу и прошу его ответить на звонок мобильного.

– ...ло?

– Джона, наконец-то, я опаздываю! Прикрой меня с Магдой, пожалуйста! – Я мчусь по обледенелой лондонской улице, мои бархатные тапочки с оленями не справляются с лужами. Тапочки – часть нашей униформы, но обычно я не надеваю их, идя на работу, именно по этой причине! В своем безумном состоянии этим утром я не смогла найти кроссовки, а вся остальная моя обувь слишком модная для дневных улиц Лондона. Увы, у меня нет времени ходить на цыпочках по многочисленным лужам с грязной водой, поэтому я, задыхаясь, пробираюсь сквозь них. Я продрогла до костей. – Скажи ей, что я... Я на складе, разбираю полочки.

– Кто это? – лениво растягивает он слова.

Намекни мне на закатывание глаз.

– Очень забавно. Это Флора, и ты это знаешь!

– Опять опаздываешь, а, Флора? – Он растягивает каждый слог, как будто я не нахожусь в эпицентре потенциальной катастрофы, угрожающей работе. Почему все, что я пробую, оборачивается против меня?

– Это не моя вина! У меня была проблема в гардеробе, маленький красный носик Рудольфа...

– Проблема в гардеробе? Так вот как вы это называете в наши дни? Этот парень тебе не подходит, дорогая. – Он смеется своим бесящим хихиканьем – я не могу *понять*, почему я пыталась привлечь Джону на свою сторону. Он действительно склонен радоваться несчастьям других людей и извлекать из них пользу.

Я нажимаю на сигнал светофора, говоря:

– Давай, давай, – и сожалею о том, что так долго не загорается зеленый. У меня не хватает духу сказать Джоне, что Люк пошел по пути всех моих прошлых бойфрендов. Юг. Мы даже не добрались до официальной стадии Facebook! – Слушай, просто скажи Магде, что я на заднем дворе, разбираю... все вещи, которые нужно... разобрать, хорошо?

– Я не знаю, Флора. *Правила есть правила*. К тому же она просто посмотрит на тебя на записях с камер видеонаблюдения. Подожди, у меня клиент. – Сигнал светофора на перекрестке наконец загорается зеленым, так что я изо всех сил шаркаю в своих промокших тапочках и стараюсь не думать о том, что Магда меня поймает.

Честно говоря, я снова опоздала, потому что вдохновение пришло после того, как мы украсили квартиру, поэтому я засиделась до рассвета, планируя рождественскую феерию, которую намерена представить Магде сегодня позже. Я немного нервничаю по этому поводу, потому что для человека, владеющего рождественским магазином, она определенно не такая уж радостная. Однако Магдой движут продажи, так что, если я правильно подам идею, я, возможно, смогу убедить ее. Для меня это не столько работа, сколько то, на чем я надеюсь сделать карьеру, хотя я все еще считаюсь новенькой, пробыв здесь три месяца. Рабочий день длинный, а вознаграждение не слишком высокое, но для меня это не имеет значения. Важно то, что я наконец-то нашла работу, которая мне подходит, ту, которая доставляет мне удовольствие большую часть времени.

Я узнала об этой вакансии от подружки, которая замолвила за меня словечко перед Магдой. Не то чтобы Магду действительно волновало, что кто-то думает. Я уверена, что это она придумала лицо отдыхающей сучки, у нее это чертовски хорошо получается, но я не принимаю это близко к сердцу. Мы не можем все быть веселыми и сообразительными. У меня все еще немного опухшие глаза после расставания и ошеломляющей новости о том, что Ливви улетает в Лос-Анджелес. Единственное, что у меня осталось, – моя работа, поэтому я хочу убедиться, что Магда знает, насколько я увлечена. И я как идиотка забыла завести свой чертов будильник этим

утром после того, как засиделась допоздна, пытаюсь сделать свою презентацию блестящей.

У нас в магазине много витрин, но ничего впечатляющего, ничего такого, о чем можно было бы написать в прессе. Моя мечта – построить страну чудес для детей, чтобы они *действительно* поверили в волшебство Рождества! И если Магда считает, что все это способствует росту продаж, так тому и быть. Но для меня все дело в том, чтобы создать сказочные воспоминания для молодых и старых.

Я заворачиваю за угол, и в поле зрения появляется рождественский магазин Deck the Halls. Я почти чувствую вкус свободы! Ну, не свобода, скорее плен, но в самом лучшем из возможных мест. Рождественский магазин, наполненный всеми мыслимыми безделушками для праздничного сезона – от простых елочных игрушек до импортных сверкающих золотых саней и всего, что между ними. Здесь есть подходящая праздничная одежда для семейных селфи, рождественские постельные принадлежности и практически любой электронный Санта, которого вы только можете себе представить.

– Она здесь! – шипит Иона.

– Я тоже! – Я заканчиваю разговор, снимаю куртку и шарф и заглядываю внутрь двойных дверей. Магды нигде не видно, поэтому я бросаю свою промокшую одежду под стол, чтобы забрать позже. Я провожу рукой по волосам, надеясь скрыть, насколько они мокрые, и извиняюсь, пробираясь мимо посе-

тителей в комнату для персонала. Я уверена, что мои пальцы на ногах уже сморщились, как чернослив. Мне нужно оценить ущерб, нанесенный моим тапочкам. Я надеюсь, что они переживут этот день, но мне не нравятся мои шансы из-за хлопотающих звуков, которые они издают.

Выстрел – я замечаю Магду с ее надменным видом. Она похожа на Терминатора, сканирующего лица, словно робот, без сомнения выискивая мое. Я бросаюсь за рождественскую елку прежде, чем она замечает меня. Мне нужно разгрузить свою сумочку, чтобы она не знала, что я только что вошла.

Я хочу, чтобы у Магды была презумпция невиновности, и верю, что в глубине души она хороший человек со своим любимым, но пока, похоже, это не так. Как будто ей доставляет удовольствие мучить своих сотрудников до тех пор, пока они не уволятся, или она может уволить их за какой-нибудь незначительный проступок. Страшно, насколько сильно ей это, похоже, нравится. Часть меня задается вопросом, не слишком ли много людей поступили с ней неправильно, поэтому она всегда настороже. Всегда готова к прыжку. Я надеюсь показать ей, что не все сотрудники одинаковы, и что, как только она увидит, что я трачу много времени и усилий *без оплаты* после работы, она смягчится по отношению ко мне. Моя цель – пройти путь от кассира до ответственного по залу и медленно продвигаться вверх по служебной лестнице до покупателя акций! Все, что мне нужно помнить – то, что надо держать голову опущенной, а рот закрытым: я по-

теряла слишком много рабочих мест, выбалтывая то, что *на самом деле* думаю.

Когда я выглядываю из-за рождественской елки, кто-то хлопает меня по плечу, и, клянусь, моя душа покидает тело.

– Что ты делаешь? – Джона говорит достаточно громко, чтобы привлечь внимание покупателей.

– Тише, я прячусь от Магды! Я протягиваю ему свою сумочку и настойчиво шепчу: – Положи это в мой шкафчик! – Он берет ее у меня из рук и поднимает вверх, как будто это оскорбительно для него.

– Что я получу за то, что сделаю это? – Он вкрадчиво приподнимает бровь. Я неохотно признаю, что Джона – хороший друг в том, что касается коллег по работе, но он один из тех людей, которые всегда чего-то *ожидают*. Я не могу сосчитать, сколько раз я подменяла его в обмен на то, что он держал в секрете совершенную мной глупость. – Ты весь сегодняшний день занимаешься мусорными баками и туалетами, и... – Он постукивает себя по подбородку не потому, что размышляет, а потому, что Джоне нравится вытягивать свои взятки.

Я прячу улыбку.

– Я не буду сегодня убирать мусорные баки или что-то еще, раз уж твоя очередь.

– Ты хочешь оставить сумочку в шкафчике или нет? – Он наматывает ремешок на указательный палец.

– Ты сделаешь это, или я расскажу Магде о вечере втор-

ника. – Я приподнимаю бровь.

Он задыхается.

– Откуда ты об этом знаешь?

Гейм, сет, матч!

– Знаешь, ты не единственный, у кого здесь есть шпионы. – Я копирую его тактику отвода глаз, но, вероятно, это больше похоже на то, что мне что-то попало в глаз.

Спустя целую вечность он говорит:

– Хорошо сыграно, Флора, хорошо сыграно. – Он поворачивается на каблуках, прежде чем перекинуть мою сумку через плечо, словно он модель с подиума, гордо шествующая по нему.

У меня нет шпионов, но ему не обязательно это знать. Джона так и делает, и он использует их, чтобы уйти с работы с помощью одних лишь манипуляций. В прошлый вторник вечером я забыла ключи от дома, что для меня обычное дело, и, вернувшись в магазин за пятнадцать минут до закрытия, обнаружила, что он наглухо заперт. Преступление, за которое можно уволиться. Я знаю, что у него было свидание с симпатичным парнем из бара в Ковент-Гарденс, но все же...

Правила есть правила.

В восторге от того, что я одурачила самого мастера-манипулятора, я поправляю свой наряд от Рудольфа, хватаю с вешалки вторую пару тапочек с оленями и приступаю к работе. Рождественский магазин Deck the Halls для кого-то может быть просто рождественским магазином, но для меня он

олицетворяет гораздо большее. Это место, где люди могут найти убежище, вспомнить приятные моменты прошедшего Рождества, прогуливаясь по магазину. Для детей это место, где воплощаются мечты. Я обожаю видеть, как загораются их глаза, как будто они открыли для себя Нарнию. И мне нравится наблюдать, как семьи приходят и планируют свой рождественский декор, вплоть до цвета салфеток.

От покупателей исходит почти осязаемое *веселье*, и такого рода возбуждение заразительно. Я уже видела, как дружба завязывается из-за того, что незнакомые люди делятся своими рождественскими традициями. Я наблюдала, как самую последнюю дорогую игрушку в городе одновременно купили две мамы, которые затем сыграли в «камень, ножницы, бумагу», чтобы определить, кому достанется заветная игрушка. Конечно, это не только блеск и приятные вести, здесь тоже много драматичного, но я предпочитаю не зацикливаться на этих моментах.

Ливви говорит, что я рождественская трагедия. И я с гордостью ношу этот титул. Это время года, когда люди останавливаются и думают о других. От любовно продуманных подарков до тщательного планирования рождественского застолья, которое они разделят за столом. Или даже что-то такое простое, как отправка рождественской открытки. Для меня все дело в мелких деталях.

Для тех, кто празднует Рождество, Хануку или любое другое сезонное событие в это время года, мир как будто зами-

рает на этот бесконечно малый промежуток времени – улыбки становятся шире, надежда переполняет, а радость можно найти в самых простых вещах, таких как прослушивание рождественских гимнов или щелчки хлопушек и ношение бумажной короны. Это очаровательное время года, и работа в рождественском магазине только добавляет веселья.

Сегодня покупатели суетятся, разматывая шарфы, и широко раскрывают глаза, разглядывая нашу рождественскую выставку у входа: воссоздание лапландской деревни Санты с крошечными домиками, искусственным снегом и сверкающими рождественскими елками. Я умоляла Магду позволить мне попытаться воссоздать северное сияние, но она отказалась, сказав, что хочет, чтобы покупатели смотрели не вверх, а вниз, туда, где находится товар. Это было бы чудесно, розовые и зеленые завитки на потолке, привлекающие клиентов из Лондона и перевозящие их в Лапландию, но, эй, ты не можешь выиграть каждую битву... Я был одержима Лапландией с тех пор, как себя помню. В конце концов, это настоящий дом Деда Мороза! Однажды я доберусь туда, но пока все возвращается к работе.

Подпевая рождественским песням, я поправляю несколько упавших украшений, слежу за тем, чтобы шелкунчики стояли ровно, и направляюсь к прилавку, чтобы помочь обслужить очередь, которая петляет вокруг пряничного домика. Прежде чем добираюсь туда, я вижу маленькую девочку лет семи-восьми, нижняя губа которой дрожит, когда она ба-

люкает красную елочную игрушку.

Нет ничего хуже слез во время праздничного сезона. Возможно, ее подавляют шум и толпа, проталкивающаяся мимо ее крошечной фигурки.

Ну, не в мое дежурство. Я опускаюсь на колени, чтобы быть на уровне ее глаз, и дарю ей свою самую жизнерадостную улыбку.

– Ты в порядке, милая? Здесь немного оживленно, потому что Рождество приближается с каждым днем.

Кажется, с тех пор, как наступил ноябрь, магазин превратился из тихого в хаотичный всего за несколько дней.

Большие голубые глаза маленькой девочки блестят от слез, когда она едва заметно кивает мне. Где ее родители? Я оглядываюсь по сторонам, но не вижу поблизости никого, кто выглядел бы соответствующим образом.

– Мама или папа здесь, с тобой?

– Папа снаружи, разговаривает по телефону.

Она отводит взгляд.

– О, ты покупаешь сюрприз для мамы?

При упоминании о матери по лицу маленькой девочки текут слезы. Ах, милая. В чем же тут дело?

Она шмыгает носом.

– Я хотела подарить ей эту елочную игрушку с ее именем, но у меня есть только пять фунтов.

Я смотрю на дисплей и вижу, что персонализация обойдется еще в три фунта.

– Возможно, когда папа положит трубку...

Она обрывает меня.

– Он сказал «нет». Он говорит, что легче не говорить об этом, иначе ему становится слишком грустно. Бабушка сказала, что у мамы был рак, и теперь она с ангелами. – Еще больше слез стекает по ее ангельским щекам, и я совершенно теряю дар речи. – Это будет наше первое Рождество без мамы. Я хочу повесить это на переднюю часть елки, чтобы знать, что она все еще с нами.

Я действительно слышу, как мое сердце разрывается от горя из-за маленькой девочки. Ей нужна эта игрушка – тут двух мнений быть не может.

– Почему бы мне не сделать его индивидуальным, компенсировать разницу в три фунта, и это могло бы стать моим рождественским подарком тебе?

Ее маленькое личико светится радостью.

– Правда?

– Это было бы для меня удовольствием. Ты хочешь, чтобы я написала «Мама» или...

Она качает головой.

– Ее звали Грейс.

– Мне нравится это имя! «Удивительная грация» – одна из моих любимых колядок.

Она улыбается, и ее покрасневшие глаза загораются.

– Это тоже была мамина любимая! Ты можешь написать на нем «Удивительная Грация» для нее?

– Уверена, что смогу.

Я приступаю к работе, убеждаюсь, что это идеально подходит для моей юной покупательницы, а затем проскакиваю очередь и веду ее к передней части прилавка. «Встречаюсь с VIP-клиентом», – говорю я, пытаюсь сделать момент особенным. Я заворачиваю изящную безделушку в папиросную бумагу и кладу в красивую подарочную коробку, прежде чем перевязать все это толстой красной лентой. Я не должна использовать подарочные коробки класса люкс для покупок стоимостью менее ста фунтов, но эта распродажа дает такую возможность. Я представляю, как маленькая девочка каждый год устраивает церемонию открытия подарочной коробки, разворачивает драгоценный подарок на память и тихо беседует со своей мамой, пока вешает его в центр рождественской елки.

Маленькая девочка протягивает мятую пятифунтовую банкноту, и я кладу ее в кассу вместе с несколькими монетами из кармана Рудольфа, чтобы восполнить недостачу. Мне также нужно заплатить за сменные тапочки, но с этим придется подождать, пока я не доберусь до своей сумочки. От ее широкой неуверенной улыбки у меня замирает сердце, и я мысленно молюсь ее маме, удивительной Грейс.

– Ты приходи навестить меня в следующем году, и мы сделаем что-нибудь для тебя и твоего папы тоже, хорошо?

– Я так и сделаю. Большое вам спасибо! – Она посылает мне воздушные поцелуи через прилавок, забыв о слезах,

затем срывается с места и бежит так, словно все ее рождественские праздники наступили одновременно.

– Хорошо, кто был следующим? – говорю я, чувствуя радость Рождества глубоко в своей душе. Следующая покупательница отводит глаза и незаметно указывает мне за спину. В воздухе отчетливо чувствуется холод, что может означать только одно: Магда!

Нацепив улыбку щелкунчика, я поворачиваюсь и молю все святое, чтобы она не увидела мою последнюю сделку.

– О, Магда, я не заметила, как ты... э-э-э... стояла у меня на лодыжках. Тесновато, не так ли? – Она превращает дыхание в затылок в вид искусства. Я пытаюсь отодвинуться на дюйм в сторону, чтобы увеличить расстояние между нами.

Взгляд Магды такой острый, что им можно было бы раскалывать каштаны, и направлен он прямо на меня. Это не сулит ничего хорошего.

– Что-то не так? – Ее лицо стало красным, как леденец, и слегка дрожит, как будто она держит себя в руках, но вот-вот взорвется.

Может быть, у нее сейчас какой-то момент, прилив сил, кризис среднего возраста? Возможно, это не имеет ко мне *никакого* отношения.

Она берет один из моих рогов Рудольфа и притягивает меня к себе. В некотором смысле это довольно жестоко, и я собираюсь сказать ей об этом, когда она спрашивает:

– Ты только что запускала *руки* в кассу? – Ее голос пря-

мо-таки *ядовитый*.

Посетители застывают на месте, словно затаив дыхание. Я спешу успокоить их с легким смешком, как будто мой босс каждый день дергает меня за рога, и это просто наш способ общения.

– Ну, конечно, у меня были руки в кассе. Я кассир! – Я бросаю на толпу взгляд *«Вы слышите эту чушь?»*.

Она качает головой.

– Я не это имела в виду.

– Хорошо, что ты *имела* в виду? – Я откидываю голову назад в надежде выбить рог из ее кулака. Я тяну и тяну, пока он наконец не поддается, и моя шея не откидывается назад. Елки-палки.

– У этой девочки не было достаточно денег, не так ли?

О, звенящие колокольчики.

– У нее немного не хватало, но я это покрыла. – Теперь мы привлекли внимание всего этажа, и я ничего так не хочу, как спрятаться за снеговиком и дожидаться, пока Магда отвалит обратно в свой офис, где она сможет наблюдать за мной по камерам видеонаблюдения, а не подкрадываться сзади.

– Что я тебе говорила насчет этого? – шипит она, и я уверена, что из ее носа идет пар.

Я делаю глубокий вдох и повторяю ее последний выговор дословно.

– «Я не собираюсь восполнять недостачу, какими бы ни были их грустные истории». Я не понимаю, в чем проблема,

когда это мои собственные деньги. Это же не значит, что я отпускаю их без оплаты.

– И все же ты сделала это снова. Мало того, ты кладешь пятифунтовую безделушку в коробку, предназначенную для покупок на сумму свыше ста фунтов. Ты можешь сказать мне почему?

– Ну, всего было на восемь фунтов.

– Игрушка стоила пять.

– О'кей, да, ты меня поймала на техническом моменте. –

И это все равно не сто фунтов, Флора!

– Тогда почему, Флора, почему ты *снова* пошла против политики компании?

Она почувствует себя полной дурой, когда я расскажу ей эту историю. Поэтому я подробно объясняю, взывая к ее (возможно, несуществующей) материнской натуре, делая большой акцент на том, что каждый год эта маленькая девочка будет вспоминать именно этот магазин и проявленную доброту, и однажды, когда она сама станет богатой и счастливой матерью, она вернется и потратит тонну денег, точно так же, как ты каждый год видишь на этих трогательных рождественских рекламных объявлениях.

Магда закатывает глаза и становится отчетливо похожа на Гринча.

– Ты простофиля, Флора. Мать девочки, вероятно, находится у входа. Ты когда-нибудь думала об этом?

Она что, на полном серьезе?

– Значит, ты думаешь, что мать велела своей дочери прийти сюда и плакать нежными слезами, рассказывая продавщице, что ее мать *умерла*, и все это ради того, чтобы сэкономить три фунта? Кто мог так поступить со своим собственным ребенком, Магда?! – Честно говоря, не поехала ли у нее крыша?

Ее лицо из красного становится фиолетовым, и я очень беспокоюсь за ее кровяное давление. Это вряд ли признак здоровья, не так ли?

– А как насчет вчерашнего инцидента, когда ты поймала того магазинного вора?

Ее голос подобен стали, и я начинаю задаваться вопросом, не зашла ли я слишком далеко со старой Магдой. Это моя проблема, я говорю громко, когда мне следует заткнуться. Из-за этого у меня все время чертовы неприятности.

Я закрываю глаза, вспоминая Руперта, розоволицего парня, которого видела накануне. Такой дружелюбный парень, которому просто не повезло, вот и все.

– Ну, я думала, что он научится на своих ошибках, и расплатой будет помощь в подсобке, а не вызов полиции и разрушение его жизни...

– Ты выпустила *преступника* через черный ход, не сказав мне ни слова.

– Не совсем преступник, Магда. – Я изо всех сил стараюсь смотреть прямо перед собой, чтобы тревожные мысли не прокрадывались обратно в мой мозг. – Он засунул детский

мешочек с Санта-Клаусом себе в куртку, потому что был без работы. Парень всего лишь хотел, чтобы Рождество его маленького сына прошло хорошо. Я уверена, что это не его вина, что он не может найти работу, несмотря на отчаянные поиски в течение нескольких месяцев подряд! Я подумала, что, если бы у него был какой-нибудь опыт работы здесь, его судьба могла бы измениться... – Руперту это действительно понравилось. Он выгружал коробки так, словно они почти ничего не весили, затем распаковывал их нежными руками. Он даже подмел все перед уходом (блестки – настоящая проблема в рождественском магазине). Это не похоже на то, что он сбежал с золотым оленем в натуральную величину или что-то в этом роде.

– В том-то и дело, Флора. – Она замолкает. – Ты думаешь, что можешь спасти всех, но проблема в том, что это не *твое* дело. Ты находишься на нижней ступеньке служебной лестницы, но принимаешь решения так, словно это место принадлежит тебе. – Она смотрит на мои ноги, и ее глаза расширяются. – Новые тапочки?

Откуда она вообще могла знать? Она была на этаже, когда я сдернула их с вешалки. Я украдкой бросаю взгляд на свои ноги и вижу окровавленный ценник, свисающий с борта.

– Я собиралась заплатить за них в обеденный перерыв. – Я замолкаю и говорю в спешке, потому что у меня такое чувство, что Магда вот-вот со мной поссорится, а это обычно означает подметание кладовой и уборку ванных комнат – обе

сегодняшние работы Джоны. – И дело не в том, что я считаю это место *своим*, просто я вижу, что некоторым людям нужна только рука помощи, особенно в это время года и...

– Ты права, в это время года людям действительно нужна рука помощи.

Я права? Я одариваю ее одной из своих самых ослепительных улыбок, которую обычно приберегаю для самого Санты. Она наконец-то приходит в себя! Может быть, я смогу поделиться своей идеей о пожертвованиях игрушек для женского и детского приюта? Клиенты могут выбрать игрушку и оставить ее под рождественской елкой, а мы доставим их все в канун Рождества. Большинству людей нравится идея случайных проявлений доброты; они просто не знают, как это сделать. Затем следует обсудить презентацию моей рождественской выставки-феерии... Возможно, это просто мое становление!

Она скрещивает руки на груди и надменно смотрит себе под ноги.

– С твоим набором специальных навыков и желанием раздавать свои собственные деньги тебе, вероятно, следовало бы работать в другом месте, возможно, в благотворительной организации или еще где-нибудь. Таким образом, ты сможешь помогать до тех пор, пока твое сердце не успокоится. Почему бы тебе не взять свои вещи и не уйти? Deck the Halls желает тебе успехов во всех твоих будущих начинаниях.

Погоди, что?

– Ты серьезно? – Воздух в моих легких стремительно покидает меня. – Ты меня увольняешь? – До этого такое случилось всего пять или шесть раз.

Я так потрясена, что не могу подобрать слов, но мое тело содрогается, как будто призрак Прошлого Рождества ненадолго овладел мной. Быть продавцом в магазине Deck the Halls – работа моей мечты. Я могу праздновать Рождество круглый год, и для фанатика праздников это радость, которая не от мира сего, несмотря на моего огнедышащего босса.

– Меня же не могут уволить за это, верно?

– ВОН! – кричит она достаточно громко, чтобы напугать горстку детей, которые с плачем бегут к своим родителям. Магда оказывает такое воздействие на маленьких детей. Подростков. И около восьмидесяти процентов населения. Жалкий страх в ее присутствии, вот это что.

Вскоре мой уход сопровождается суровыми словами: покупатели ругают Магду за ее обращение со мной, а родители требуют объяснить, почему она так жестока в присутствии детей.

Я ненавижу любую сцену, если только это не «Прочь в яслях»¹, поэтому спешу всех успокоить.

– Все в порядке, все в полном *порядке*. Я уверена, мы с этим разберемся, – говорю я, как будто у нас только что были небольшие разногласия, и я не уйду, пока все не уляжется. Я не хочу портить им рождественские покупки!

¹ Рождественская песня.

Но я знаю, что ад замерзнет, прежде чем Магда вернет меня. Она пыталась избавиться от меня с тех пор, как я начала работать, но, к счастью, Джона прикрывал меня большую часть времени, так что у нее никогда не было веской причины уволить меня.

Клиенты ободряюще улыбаются мне, как будто хотят сплотиться ради моего дела, я заверяю их, что все в порядке, потому что знаю, что в этом нет смысла. И я не хочу, чтобы им запрещали это делать. Хотя Магда – ведьма, Deck the Halls – лучший рождественский магазин на свете, поверьте мне, я была во всех них, – поэтому я не хочу, чтобы он проиграл из-за меня.

– Всем счастливого Рождества. Если вы отправитесь на конфетную станцию, у Эльфа Бетани есть леденцы на всех без исключения!

Прежде чем мои слезы превращаются в полноценный безобразный плач, я шаркаю прочь, чтобы взять свою сумочку, и натываюсь на Джону.

– Что это за слезы, Рудольф?

– Магда уволила меня.

Его брови взлетают вверх.

– За опоздание?

– Нет, за то, что восполнила недостачу для маленькой девочки. – Я вкратце объясняю суть вопроса. – А еще я подарила ей одну из роскошных подарочных коробок. И я полагаю, за то, что не заплатила за свои тапочки, хотя у меня бы-

ло твердое намерение сделать это в обеденный перерыв.

– Она, черт возьми, настоящий Эбенезер Скрудж!

Господи, даже Джона так думает, и это действительно о чем-то говорит.

– Как я выживу здесь без тебя? – сокрушается он, и его лицо бледнеет. Зная Джону, он будет жаловаться на то, что ему придется заниматься уборкой до тех пор, пока он не найдет более сговорчивого кассира, который выполнит за него грязную работу, и меньше расстроится из-за потери меня как друга по работе.

– Ты выживешь!

Он морщится.

– Едва ли. Так что же ты будешь делать?

У меня на глаза наворачиваются слезы при мысли о том, что я пропущу рождественскую суету и все, что с ней связано в это время года. Несмотря на моего угрюмого босса, я чувствовала, что нашла свое призвание, но в очередной раз мне удалось вляпаться. Хотя я ни за что не смогла бы проигнорировать эту маленькую девочку. И я только рада, что ее там не было, чтобы стать свидетелем гнева Магды.

– Я, честно говоря, не знаю, Джона. Что еще есть для меня?

Розничная торговля – не мой конек, если только она не связана с Рождеством, а другого такого магазина, как этот, близко от моего дома нет. Я не могу передохнуть, и единственный общий знаменатель, который я вижу, – это... я.

По громкоговорителю я слышу свое имя.

– Флора Вествуд, охрана идет, чтобы вывести вас из магазина.

– Она снова наблюдает за нами по этим чертовым камерам, – бормочет Джона себе под нос и притворяется, что занят.

– Я лучше пойду. – Я достаю вещи из своего шкафчика и складываю их в сумку. В основном леденцы, если честно. Кому не нравится простое мятное сладкое лакомство, которое уже одним своим видом напоминает о Рождестве?

– Оставайся на связи, Флора, ты была одной из самых крутых.

– Суперкруто, это я.

– Не разрушай это.

Каким-то образом мне удастся наполовину рассмеяться.

– Тебе лучше выйти туда.

Джона быстро чмокает меня в щеку, прежде чем направиться обратно в толпу.

Я закрываю свой шкафчик и возвращаюсь на этаж за курткой и шарфом, где охранник Саймон находит меня и выводит, как какого-то преступника.

– Прости, – шепчет он себе под нос. – Я должен сделать так, чтобы все выглядело по-настоящему – она смотрит.

– Все в порядке. Я понимаю.

– Удачи, Флора, – говорит он и сажает меня на бордюр.

На улице пульсирующие рождественские огни отражают-

ся на моем лице, и до меня доходит масштабность этого кризиса. Я ушла и потеряла свою долгожданную работу прямо перед сезоном подарков! И как же мне выжить? Пирог с фаршем недешевы, не так ли?

У меня нет сбережений, на которые можно было бы опереться, и никто не стучится в мою дверь с предложениями о работе. Но если быть реалистом, Магда всегда собиралась меня уволить; это был бы только вопрос времени. Джона – единственный сотрудник, который проработал дольше шести месяцев, и это потому, что у него есть что-то на Магду – или, по крайней мере, он на это намекает.

И все же это такой удар. Впервые за все время, сколько я себя помню, мне действительно нравилось ходить на работу. Мысль о том, что завтра я внезапно окажусь бесцельной, вызывает новый приступ слез, поэтому я спешу обратно к Лив, чтобы спрятаться подальше.

На ум приходит старая поговорка моей бабушки: «Плохие вещи приходят по трое». Я стала безнадежно одинокой, скоро стану бездомной, а теперь и безработной – и все это в течение нескольких дней! Что я делаю не так, чтобы катастрофа вот так накрывала меня? Только как поздно я зацвету?..

Глава 5

На меня часто оглядываются, когда я мчусь по улицам Лондона в костюме северного оленя, с моим покрытым пятнами лицом и покрасневшими глазами. Я сглатываю оставшиеся слезы и подбадриваю себя: *Ты потрясающая, Флора, и не позволяй никому говорить тебе обратное!*

Но если бы я была такой потрясающей, продолжали бы меня и дальше увольнять? Буду ли я по-прежнему «занимать» свободную комнату своей лучшей подруги? Все еще решительно одинока? В зрелом возрасте двадцати девяти лет, когда большинство моих друзей женаты и рожают детей, как будто они одни отвечают за заселение планеты, я все еще нахожусь в стадии «Интересно-кем-я-стану-когда-вырасту».

Если я не буду осторожна, я вернусь жить к своим родителям и буду вынуждена выслушивать много, *много* их дружных обвинений и бесцеремонных комментариев типа: *почему ты не можешь быть больше похожа на своих братьев и сестер?* Почему я не могу быть точной копией моей старшей сестры Мелоди, с ее очаровательными херувимчиками, с их безупречными манерами, с их любовью к живому театру, хотя они едва доходят мне до колен?

Или, скорее, как мой младший брат, крутой адвокат Тедди, который женат на Камилле, кураторе художественной галереи, которая говорит на английском языке королевы, хо-

тя на самом деле она из Ливерпуля. Я аномалия в семье, та, кто просто не может наладить свою жизнь, и, честно говоря, если наладить жизнь – значит быть как Мелоди и Тедди, то я не хочу в этом участвовать. Для меня их жизнь настолько ограничена, настолько заранее спланирована и размеренна, что я бы наскучила себе до слез. Дай мне яркий свет, приключения, возможности того, что должно произойти...

Вернувшись в квартиру, я с облегчением вижу велосипед Ливви, прикованный цепью к парадным воротам. Должно быть, она вернулась домой к раннему обеду.

– Ливви! – зову я и бросаю свою сумочку на диван, за ней следует мое тело. Где она? – ЛИВВИ! Чрезвычайная ситуация! Принеси имбирное печенье, быстро!

Раздается какой-то шорох и негромкое бормотание. О боже, она не одна. Вот в чем проблема, когда живешь в квартире своего лучшего друга. Она чертовски крошечная, а стены тонкие, как бумага. Небольшая проблема, когда у нее внезапно возникают романтические отношения, а ты становишься третьим лишним.

Появляется растрепанная голова Ливви, ее волосы напоминают птичье гнездо, ее обычно тщательно нанесенный макияж размазан.

– Ух ты, ты выглядишь...

– Я не знала, что ты вернешься так рано.

Она бросает взгляд через плечо, и вскоре появляется еще одна голова. Ее новый бойфренд Ларри, или Гарри, или Хар-

ри. Я никогда не могу вспомнить. Между нами говоря, мне этот парень не нравится, но Ливви думает, что он – высший сорт. У меня сложилось отчетливое впечатление, что он как губка. Вытягивает из нее все, что может. Он из тех, кто «не работает, но хочет быть певцом». По-моему, ему нужна чертовски хорошая ванна и тщательный уход. Позвонили из Сиэтла, и они хотят вернуть свою гранджевую атмосферу с грязными джинсами и дырявыми футболками.

– О, привет, Ларри.

– Это Гарри.

– Верно. Сегодня нет работы? – Я спрашиваю его.

– Я не разделяю вашу версию буржуазного общества. – Он бросает на меня снисходительный взгляд.

– Нет, вы подписываетесь только на Spotify, за который платит Ливви. Я права?

Ух, этот парень такой претенциозный шарлатан. Она заслуживает гораздо лучшего, но ослеплена внутри своего маленького любовного пузыря. Он берет ее прокатиться, тут двух мнений быть не может.

– Флора... – начинает Ливви, и я понимаю, что меня ждет очередная лекция.

– Я ухожу, – говорит Гарри.

Я опускаю нижнюю губу, как будто меня это опечалило, но Ливви ловит меня, и я ухмыляюсь. Я ничего не могу с собой поделать – он пробуждает во мне все самое худшее.

Они выходят на улицу и прощаются, целуясь добрых де-

сять минут, пока я терпеливо жду, когда она придет в себя.

Когда она возвращается, ее лицо мрачнеет.

– Что все это значило? Ты не можешь продолжать так унижать его.

Я пожимаю плечами.

– У него голова как дыня.

– Флора!

– Ну так оно и есть!

Она вздыхает и бросается на диван рядом со мной.

– У него немного дынная голова, но он так хорош в постели! Честно говоря, у меня никогда не было никого подобного, кто...

Я зажимаю уши руками. Честно говоря, неужели я должна выслушивать разговоры о сексе каждые пять секунд?

– Прекрати это!

– Ладно, ладно, боже, ты – мой ограничитель, Флора.

– Я ограничитель? Блин, я просто пытаюсь защитить тебя здесь. В следующую минуту Барри подвергнет тебя какому-то странному сексуальному контролю сознания, и что тогда будет со мной?

– Ты знаешь, что его зовут Гарри.

– Как скажешь.

– Так почему ты дома?

– Уволена.

– Опять?

– Я знаю! Ты бы подумала, что это моя вина или что-то в

этом роде, как это обычно происходило.

– Верно?

Я рассказываю Ливви все об адском утре, и она издает все нужные звуки.

– Магда хуже всех.

– Самая худшая. И теперь на Рождество я останусь одна и без гроша в кармане.

– Я могла бы одолжить тебе денег на круиз...

Мои родители забронировали семейный отпуск в круизе по Карибскому морю с братьями и сестрами, партнерами, детьми, всей компанией. Они предложили оплатить мой билет, но я знаю, что это обойдется дорого. Папа расскажет обо всех моих неудачах в жизни, а мама даст понять, что это мой хлесткий язык отталкивает мужчин и мне действительно следует измениться. Они будут сравнивать меня с Мелоди и Тедди, и я буду проводить каждую ночь плача в подушку и задаваясь вопросом, почему я просто не могу изменить себя и вписаться в тот же шаблон, что и мои братья и сестры.

– Спасибо, Ливви, но я воздержусь от этого. Я думаю, то немногое, что осталось от моей уверенности, может каким-то образом не продержаться и трех недель под карибским солнцем. Если мне еще раз придется услышать о каберне и онлайн-курсах Мелоди, я закричу. Или как потрясающе выглядит жена Тедди Камилла в своих лабутенах шестого размера, как будто мой восьмой размер ноги по сравнению с ним прискорбно неадекватен. Они стыдят меня из-за ног!

– Это что, похоже на жирошельмование, только для ног?

– ДА!

– Я никогда не пойму семейную динамику и почему они так сильно придираются к тебе. Но *Карибское море*, Флора! Ты можешь себе представить? Ты могла бы найти себе симпатичного парня из коттеджа...

– Парень из коттеджа в кризисе?

– Почему бы и нет? Я представляю себе горячего, загорелого, мускулистого парня, который приносит тебе коктейли и шепчет на ушко восхитительные секреты.

– Ты смотришь слишком много фильмов.

– Может быть.

– Ты должна признать, что моя жизнь быстро катится в никуда. Что же я делаю не так?

Она вздыхает.

– В том-то и дело, Флора. Ты не делаешь ничего плохого. Я имею в виду, кого увольняют за то, что он помог маленькой девочке купить елочную игрушку в память о ее покойной маме, черт возьми? Но это похоже на то, что неприятности просто следуют за тобой по пятам.

– Я притягиваю неприятности. Не могу удержаться на работе, забываю о любви...

– Ты что-нибудь слышала от Люка?

– Нет. Ни разу. И не хочу. Честно говоря, он все равно был слишком суматошным для меня. И немного *маловат*. Я никогда не чувствовала себя вправе есть пасту в его при-

сутствии, когда он продолжал заказывать салаты «нисуаз»!..
Кто вообще заказывает салаты зимой?

– Люди с определенными намерениями, вот кто.

– Вот именно! Все это было прикрытием для чего-то.

– Синдром маленького человека?

– Может быть.

– И что теперь?

Я пожимаю плечами.

– Мне нужна работа, и побыстрее, иначе праздничный сезон будет решительно непраздничным.

– Да, и мы не можем этого допустить. Праздничной Флоре нужно вернуть ее блеск.

– Я не могу отделаться от мысли, что просто перехожу из одного тупика в другой в этой карусели неудач. От выселения за то, что у меня были эти приемные кошки, потери работы каждые пять секунд до отпугивания мужчин своей излишней откровенностью. Кроме того, я заметила, что если в радиусе десяти километров есть хоть одна одинокая лужа, то я та, кто наступает в нее, – что с этим делать?

– Я не думаю, что вселенная затаилась против тебя из-за этой истории с лужей, так что забудь об этом...

– Я не готова забыть. Я думаю, что все это связано.

Она смеется.

– Ладно, что ж, давай на минутку отложим это в сторону. Я бы не называла это каруселью неудач. Да, у тебя были взлеты и падения, но разве у всех не было? Ты просто еще

не нашла свое истинное призвание, вот и все. Ты склонна за-
цикливаться на мелочах окружающих, тех же приемных ко-
шек – спасая их от эвтаназии, ты потеряла свою сверхдеше-
вую квартиру, потому что технически ты нарушила договор
аренды. И ты скачешь по рабочим местам, потому что вы-
сказываешь свое мнение, обычно в чью-то защиту, в то вре-
мя как большинство людей прикусили бы язык и поговори-
ли после работы со своими друзьями. Насчет парня, ну, лич-
но я думаю, это потому, что ты еще не нашла подходящего
парня. Твои причуды делают тебя тобой. Во всем этом нет
твоей вины, Флора. По большей части это происходит из-за
того, что ты пытаешься помочь людям, и это оборачивается
против тебя самой.

– Значит, ты считаешь, что в перестройке личности нет
необходимости?

– Нет, в этом совсем нет необходимости. Дело не в тебе,
а в том, что те, кто тебя окружает, просто не видят того, что
вижу я.

– Ты подбадриваешь меня как лучшая подруга, и это по-
могает, но я все еще сижу здесь, и у меня абсолютно ниче-
го не получается. Иногда я задаюсь вопросом, не в этом ли
городе дело. Уверена, что это происходит, чтобы достать ме-
ня. – Я сбрасываю свою сумку с дивана, и моя презентация
вываливается наружу. Эх, часы моей жизни, которые я уже
не верну.

Ливви поднимает ее.

– Что это?

Я стону.

– Вещь, на подготовку которой я потратила уйму времени для Магды, чтобы она могла удивить своих покупателей, – зимняя страна чудес для торгового центра. Я подумала, что это может привлечь некоторое внимание прессы, и она будет завалена заказами. В конце концов, у меня так и не получилось показать ей это.

– Что касается занятости, то мне кажется, что проблема связана с наличием босса, верно? Тебя уволили за то, что ты встречалась с сыном босса в том бутике – повтори мне еще раз, что ты ей сказала? Что-то вроде того, что она была «властной матерью-наседкой, чьи крылья нужно оторвать», да?

Я морщусь, вспоминая ту стычку.

– Да, ну парню было тридцать, и он все еще был привязан к маминому фартуку. Просто у него был такой большой потенциал, но она продолжала появляться в нашей жизни. Помнишь, как он увез меня на тот романтический уик-энд только для того, чтобы мы приехали и обнаружили, что она ждет нас в чертовом вестибюле отеля!

– Я чуть не упала от шока, но маменькин сынок хлопал и подбадривал меня так, словно это был лучший сюрприз на свете. Вскоре после этого моя работа и отношения быстро закончились.

– Ты всегда была в центре.

– Я никогда не учусь.

– А потом был пожар в кафе-мороженом, где, как ты упомянула, ничего этого не случилось бы, если бы они разрешали сотрудникам делать перерывы на перекур.

Я хлопаю себя по лбу.

– Послушай, я не сторонница курения, но мне казалось, что этого можно было бы избежать, если бы только они прислушивались к тому, чего хотят их сотрудники. Если бы они не прятали сигареты в такой спешке, мусорное ведро никогда бы так не взорвалось.

– И потом, есть еще...

Я поднимаю руку.

– Я понимаю. Мне просто не везет, и у меня было более чем достаточно ужасных, омерзительных начальников. Может быть, мой следующий босс будет потрясающим, поддерживающим, заботливым?..

– Нет, Флора, ты не догоняешь. Я думаю, тебе нужно стать своим следующим боссом.

– Что?

– Да, общий знаменатель – это ты. Так зачем же позволять этому повторяться? Тебе нужно начать бизнес и вложить в него всю свою энергию и энтузиазм. Я знаю, что ты способная. У тебя потрясающие идеи; ты всегда пытаешься придумать способы улучшить бизнес других людей, но они никогда не слушают. Почему бы не сделать это для себя и не пожинать плоды?

– Мне нравится ход твоих мыслей. Только одна проблема. Я бедна. Скоро я окажусь на мели.

– Да, веское замечание. Но давай подумаем о бизнесе. – Она снова берется за мою презентацию. На самом деле это выглядит так глупо – нарисованная от руки картинка показа моей мечты, мегарождественской феерии, которая никогда не увидит свет. – Это действительно нечто, Флора.

– Ты доброжелательна, просто потому что меня уволили.

– Вовсе нет. Твой талант был растрочен впустую, когда ты украшала залы. Если бы только ты могла открыть свой собственный...

– ...Рождественский магазин!

– Люди говорят, что нужно всегда следовать своей страсти, а ты страстно любишь Рождество.

– Меня не зря называют праздничной Флорой.

Она смеется.

– Да. И рождественский магазин был бы идеальным вариантом. Я не специалист по финансам, но у меня такое чувство, что затраты на такое предприятие были бы немного чрезмерными, немного больше, чем ты могла бы себе позволить, но должен быть способ заниматься тем, что ты любишь. Нам просто нужно хорошенько подумать.

Мы делаем вид, что сильно задумались. Для Ливви это прищуренные глаза, устремленные вдаль; для меня это пустой взгляд, когда я думаю обо всех своих неудачах и продолжаю их терпеть. Что я делаю не так, снова и снова?

Дело не только в том, чтобы удержаться на работе, дело в том, что вся моя жизнь продолжает рушиться на каждом шагу. Мои родители думают, что я нахожусь на пустынной дороге в никуда. И на самом деле все это беспокоит меня не так сильно, как тот факт, что мне скучно и я неудовлетворена. Без рождественского магазина, которого я жду с нетерпением, и без Ливви здесь моя жизнь станет совершенно *бесмысленной*.

Ливви молчит. Я знаю по опыту, что это означает, что в ее умной головке зреет какая-то идея.

– Флора... – Ее голос повышается от волнения. – У меня появилась отличная идея! Как насчет фургона, рождественского фургона, похожего на внезапно возникающий магазин? Я познакомилась с теми девочками в прошлом году, Розы и Арией, и у них были такие милые магазинчики-фургончики, в которых они путешествовали по сельской местности! Ты могла бы появляться на всех лондонских рождественских базарах и ярмарках, что-то в этом роде.

Воздух в комнате со свистом выходит наружу.

– Внезапно возникающий рождественский фургон?! – У меня перехватывает дыхание, когда я представляю себе это. Это прекрасно, это потрясающе, это... подожди. – У меня нет денег на фургон. Черт бы побрал все это к черту и обратно, почему я такая транжира? – Но даже когда приходят сомнения, идея обретает форму. Я бы никогда не смогла позволить себе настоящий магазин, но мини-магазин был бы бо-

лее реальным, и не только реальным, но и веселым. Я бы командовала! Я бы сама выбирала свой ассортимент.

– Ты раздаешь большую часть своих денег, Флора! Это не похоже на то, что ты тратишь их на себя. Решение есть, но оно тебе вряд ли понравится.

– Нет, я больше никогда не буду работать в баре. Я все еще не выношу запаха...

– Нет, это не работа в баре.

До меня доходит, на что именно она намекает.

– Нет, я бы никогда не смогла!

Она улыбается. Я оседаю.

– Ты *могла бы*, Флора! Ты могла бы продать свою коллекцию рождественских украшений всей своей жизни, если бы это дало тебе свободу распоряжаться своей собственной жизнью!

– Моя коллекция Swarovski, мои украшения от Hallmark, мой рождественский декор... *Бабушкины?*

У меня сжимается что-то в груди при этой мысли. У меня ушла целая жизнь, все мои двадцать девять лет, чтобы собрать такой блестящий, редкий улов. Это моя гордость и радость, и я с удовольствием достаю каждую вещь каждое Рождество и с любовьюставляю их. Самые особенные – те, что передала мне бабушка.

– Только не бабушкины. Они имеют слишком большую сентиментальную ценность. Но остальное – кристаллы, золотая пластина, редкие коллекции...

– Значит, все дорогие вещи?

Она поднимает ладонь.

– Или я могу одолжить тебе денег?

– Нет, никаких подачек. – Вот где я провожу черту. Дружба так легко разрушить, взяв или дав займы деньги, и я бы никогда не стала этим рисковать. Да, конечно, сейчас я живу без арендной платы, но у нас с Ливви всегда были такие отношения, мы поддерживали друг друга, когда у кого-то из нас были трудные финансовые времена, например когда она училась или я теряла очередную работу.

Я представляю себе свои драгоценности. Могла бы я продать свою коллекцию, если бы это означало, что я наконец-то стану свободной и потенциально обрету какой-то смысл в жизни? Держась за эту красоту, буду ли я тормозить себя?..

– В любом случае здесь есть над чем подумать, да? – говорит Ливви. – Не забывай, нам нужно отпраздновать наше предрождественское Рождество. И я вернусь домой сегодня около шести с какими-нибудь дорогими вкусностями из Harrods. – Она чмокает меня в щеку. – Не унывай, Флора. Подумай об этом так: если бы ты была героиней рождественского фильма Hallmark, что бы ты сделала?

Мои глаза расширяются. Героиня *рождественского фильма Hallmark*?.. Вместо того чтобы ругать себя за каждый неверный шаг, я могла бы начать все сначала, зная, что новое начало просто может быть решением, если только я буду достаточно храбра, чтобы совершить такой скачок, как это

делают в кино.

Глава 6

Пару дней спустя я готовлю горячее какао и насыпаю в кружки несколько пышных белых маршмеллоу, ожидая, когда Ливви вернется домой из клиники. Она обучает нового менеджера и работает еще дольше, чем раньше. Она врывается и срывает с себя куртку, внося внутрь промозглый землястый запах лондонских улиц.

– Добрый вечер, – говорит она, вешая куртку и снимая перчатки.

– Я умирала от тоски, чтобы ты поскорее вернулась домой, – говорю я и протягиваю ей кружку с какао, испытывая непреодолимое желание рассказать ей о своем новом плане. Я отключаю звук телевизора, где показывают *«Один дома»*.

– Ух ты, скука уже накатила! – Она указывает на Кевина Маккалестера.

– Отстань! Я и так смотрю его днем, потому что ты считаешь это инфантильным. Знаешь, иногда я задумываюсь о тебе.

– Этот ребенок наглый не по годам. – Я ахаю, а она улыбается.

– Я собираюсь сделать вид, что ты не сказала это о милом, бесценном маленьком Кевине.

– Отвали, в глубине души ты знаешь, что это правда. Однажды из тебя выйдет прекрасная жена, – говорит она, под-

нимая кружку.

Я издаю очень недружелюбный возглас.

– Если тебя устроит горячее какао и макароны с сыром, тогда да. Это, пожалуй, предел моего репертуара.

– Это основные группы продуктов, не так ли? – Она смеется.

– Во всяком случае, мне этого достаточно. – Ливви – одна из тех хипстерш, которые любят зеленый сок. Вероятно, это побочный эффект ее работы, где ей нужны все эти витамины, чтобы ее кожа выглядела хорошо или что-то в этом роде. Я не припоминаю, чтобы она когда-нибудь ела мои задубевшие макароны с сыром, но не теряю надежды.

Ливви садится на свое обычное место перед камином, где на каминной полке висят наши рождественские чулки, и сбрасывает сапоги.

– Итак, сегодня я провела кое-какие исследования...

Ее глаза загораются.

– И что?

– Лапландия!

– Лапландия? – Она хмурится.

Почему она хмурится?

– Да, Лапландия! Место, которое я всегда мечтала посетить! Если я открою рождественский магазин в маленьком фургоне, я смогу арендовать участок на этой волшебной рождественской ярмарке, которая продлится до Сочельника. Лапландия – родина Санта-Клауса, так что это, без-

условно, лучшее место для меня. А ты как думаешь? – Я всю свою жизнь мечтала побывать в Лапландии. А если сюда добавить элемент северного сияния, это будет настоящее место чудес...

– Ты бы *уехала*? В фургоне?

– Ну... да, – говорю я в замешательстве. – Разве не это ты имела в виду, когда предлагала?

– Я... я имела в виду остаться здесь, в Лондоне. Появляться в городе, что-то в этом роде.

– О, но ты сказала, что познакомилась с теми девушками, Розы и Арией, которые путешествовали по округе. – Она хмурится, поэтому я спешу объяснить свою идею. – Я исследовала все это передвижение в процессе жизни в фургоне. Это становится популярным по мере того, как люди понимают, что могут жить на своих собственных условиях, по своему собственному расписанию. Существуют различные маршруты, которые может выбрать владелец фургона, в зависимости от того, что он продает или куда он может позволить себе поехать. Возможно, они делают это для того, чтобы путешествовать по миру, или просто для того, чтобы существовать вне норм обычного общества. Лапландия имеет смысл, поскольку это самое праздничное место на планете и хорошая отправная точка для меня.

Она широко улыбается мне.

– Верно, да, это невероятная идея! В том случае, если ты вернешься! Я не хочу возвращаться из Лос-Анджелеса и

рассказывать все эти удивительные истории, если некому их рассказать!

Я приподнимаю бровь.

– А что, если ты влюбишься в какого-нибудь загорелого накачанного лосанджелесца? Как только ты почувствуешь вкус всего этого солнечного света и суши, ты, возможно, никогда сюда не вернешься. Ты будешь присылать мне свои селфи с каким-нибудь богом секса на пляже Малибу и говорить, что хотела бы, чтобы я была здесь! – *И в идеальном мире Гарри остался бы в прошлом.*

Мы были лучшими подругами с детства, и у нас такой тип дружбы, который выдерживает любую бурю и становится от этого сильнее. Но находиться в разных странах действительно будет непросто. Ливви – моя наперсница, мое плечо, на котором можно поплакаться, но я знаю, что слишком сильно полагаюсь на нее, и мне нужно это изменить. Мне нужно стать самой собой, кем-то, кто сам решает свои собственные проблемы.

– Солнце и суши – звучит заманчиво! Но может быть, не в части влюбленности. Я бы не хотела влюбиться в парня, а потом уйти и попробовать отношения на расстоянии. – Она качает головой. – А как насчет тебя, кстати? Что, если ты так сильно влюбишься в фургонную жизнь, что никогда не вернешься? Тогда что я буду делать?

– Конечно, я вернусь! И мы будем разговаривать каждый день. Это не будет длиться вечно. Насколько я понимаю, эти

кочевники переезжают с места на место в зависимости от времени года. Итак, я, вероятно, поеду в Лапландию только на зиму и посмотрю, смогу ли я прилично зарабатывать на жизнь в дороге, отложу немного денег, а затем немного исследую местность. Ты подала мне идею, Лив. Когда ты сказала мне представить себя героиней моего собственного рождественского фильма Hallmark, я поняла, что это именно то, что мне нужно сделать! Мне нужно перевернуть сценарий и начать переписывать свою жизнь.

Ливви наклоняет голову и прищуривает глаза, как будто она в замешательстве.

– Перевернуть сценарий?

– Да! Мне нужно *расцвести*, Ливви, как красной розе. И единственный способ, которым это произойдет, – это если я, черт возьми, сделаю так, чтобы это произошло. Героини фильмов Hallmark всегда делают какой-нибудь грандиозный финт, верно? Они переезжают из большого города или каким-то драматическим образом меняют свою жизнь, а затем медленно, но верно превращаются в женщин, которыми им всегда суждено было быть...

– Это действительно потрясающе, Флора, но фильмы Hallmark – *вымышленные*. – Она говорит медленно, как будто разговаривает с ребенком, как будто думает, что, возможно, я сошла с ума.

– Они могут быть вымышленными, но если ты посмотришь дальше, то увидишь, что сюжеты на самом деле яв-

ляются планом, и если я буду *следовать* этому плану, моя жизнь начнет обретать смысл.

Она вытирает лицо, размазывая макияж.

– Ладно, так что насчет твоего любовного увлечения? В конце концов, именно об этом все фильмы Hallmark – о любви.

– Да! Итак, я знаю, что после Люка я отказалась от мужчин и выбрала надувного мужа Санту, теперь я вижу это ясно. Мужчина моей мечты где-то там, в Лапландии. Мне просто нужно найти его. Он будет маленькой, но важной частью головоломки.

Ее взгляд опускается на стол.

– Ты не увлеклась глинтвейном?

– Нет! Ну немного, но я клянусь, что все обдумала. И бьюсь об заклад, когда я найду того единственного, я сразу узнаю его, прямо как в кино.

– О'кей.

– Возможно, это звучит ненормально, но что, если бы мы все жили так, как будто наша жизнь была фильмом Hallmark? Что, если бы мы рискнули и сказали то, что думаем, и поверили, что настоящая любовь найдет выход несмотря ни на что? Что, если бы мы были честны в своих чувствах, зная, что в конце концов все уладится? Тогда мир стал бы лучше!

– Я имею в виду, что на бумаге это звучит идеально...

– Поверь мне, Ливви, словно туман рассеялся, и я знаю,

что это правильный курс для меня. Подожди, пока не увидишь другие фургоны на рынке. Это будет такое приключение! – Я достаю свой телефон и показываю ей. – Там есть «Озорной и симпатичный» лыжный домик, внезапно возникающий фургон с декоративными лыжами, прикрепленными сбоку фургона, и бар на открытом воздухе, сделанный из деревянных бревен. Они продают всевозможные напитки, например *глэг* – глинтвейн. *Глэг*, разве это не звучит так экзотично? И у них есть горячий шоколад с бренди!

Ливви просматривает фотографии, в ее глазах отражается изумление.

– Такая экзотика! Ух ты, они действительно сделали это похожим на лыжную базу.

Я наклоняюсь над ней.

– О, зацени это – внезапно возникающее иглу, в котором продаются всевозможные рождественские закуски, и они предлагают настольные игры с рождественским уклоном.

Она с благоговением качает головой.

– Ты попадешь в рождественский *рай*, Флора. Что же тогда ты будешь продавать?

– Я буду придерживаться того, что знаю, и продавать рождественские украшения и подарки. Из того, что я прочитала, все движение Фургонной Жизни действительно инклюзивно, и все заботятся друг о друге. Это действительно поддерживающая атмосфера, так что хотя я понятия не буду иметь,

что делаю, у меня будет много людей, которых я могу спросить.

– Меня так и подмывает присоединиться к тебе, – говорит она с тоской в голосе.

Я знаю, что она шутит, но мое сердце подпрыгивает от этой идеи. Шоу Ливви и Флоры могло бы продолжаться!

– Знаешь, людям все еще нужно ухаживать за своей кожей при низких температурах.

Она смеется и отмахивается от меня.

– Я бы хотела. Значит, все решено? Ты продашь свою рождественскую коллекцию, за исключением драгоценных сувениров бабушки, чтобы оплатить фургон и бизнес с внезапным возникновением?

Я киваю, чувствуя прилив эмоций. С одной стороны, я буду опустошена, расставшись со своими сокровищами, но с другой – глядя на этих счастливых, улыбающихся искателей приключений, я знаю, что моя настоящая жизнь могла бы начаться по-настоящему, если бы я только рискнула безопасностью, оставив все, что я знаю, в Лондоне. Что, честно говоря, не способствовало моему становлению. Я не столько расцвела, сколько увяла.

– Я уже нашла фургон, который мне интересно осмотреть в Стокгольме. Там все обставлено для Фургонной Жизни. – Я показываю ей фотографию – блестящий алый фургон, который кричит о Рождестве. Внутри есть все, что мне нужно, от крошечной спальни до маленькой кухоньки и обеденного

стола. Все ничтожно мало, но, по крайней мере, есть. В таком транспортном средстве я могу быть полностью независимой. «Если все так хорошо, как кажется на фотографиях, тогда у меня все готово».

– Значит, ты полетишь в Стокгольм, купишь фургон, а потом что... поедешь оттуда в Лапландию?

Согласно картам Google, это примерно в шестнадцати часах езды. Я думаю, что смогу сделать это за два дня.

– Таков наш план. Я зарегистрировалась на завтрашнюю распродажу из автомобильных багажников, чтобы продать все свои мирские блага, и для этого мне тоже нужно будет одолжить твою машину, если ты не против.

– Можно. И я помогу – и когда я говорю «помогу», я имею в виду, что поеду с тобой, а потом оставлю тебя в покое и пойду делать выгодные покупки.

– Ты просто куколка.

– А как насчет запасов для фургона? Где ты их возьмешь?

– Я нашла поставщика рождественских украшений и подарков только что из Лапландии; они продают изысканные изделия, настоящие произведения искусства. Я связалась с ними и навела справки, они с радостью продадут мне оптом, так что могу начать с этого и посмотреть, что у меня получится.

– Давай придумаем название для фургона! – говорит она.

– Название фургона?

– Да, ты же знаешь, у них у всех есть названия для своего

бизнеса, например, маленький книжный магазин «Счастливы навеки», тележка с шампанским «Коко» или мое любимое: «Тако-такси».

– О да, нам понадобится броское название для бизнеса!

– Рождественский фургон?

– Но это же не будет караван как таковой, не так ли?

Она морщит нос.

– Нет, это правда. «Маленький помощник Санты»? Или «Сам эльф»?

Я смеюсь.

– Мне нужно обязательно сшить футболки «Сам эльф».

Продолжай...

Она постукивает себя по подбородку.

– Поняла! «Передвижной рождественский магазин Флоры»?

Я обдумываю это.

– Оно самое! Просто и празднично. Все сразу узнают, что я продаю. «Передвижной рождественский магазин Флоры»! Может ли быть более совершенное название?

– Следующим будет бронирование рейса.

– Тогда, похоже, я еще на шаг приблизилась к этой грандиозной эскападе.

Она приподнимает бровь.

– Это та Флора, которую я знаю. Добытчица, которая никому не позволит разрушить ее мечты. – Она притворяется, что вытирает случайно набежавшую слезу. – Они так быстро

взрослеют...

Я швыряю в нее пушистой подушкой.

– Неужели это может быть так просто? Каждая часть операции «Новая, праздничная и сказочная жизнь» встала на свои места так легко, как будто так и должно было быть.

– Почему бы и нет? Почему все должно быть сложно для того, чтобы быть правильным? Самым трудным будет попроситься с твоим лучшим другом, но пока мы не будем об этом думать.

– Да, с Барри действительно будет трудно попроситься. Мы через многое прошли, он и я.

Она швыряет в меня подушку обратно.

– Ты идиотка.

– Может быть, все наладится, если я уберусь с дороги.

– Может, и нет. Я порвала с ним.

Я притворяюсь грустной.

– Я безутешна.

– Держу пари.

– Но что заставило тебя бросить Ларри? Было ли это из-за того, что он ел фасоль прямо из банки?

– Нет, не из-за этого, но было довольно мерзко. Кто ест холодную фасоль?

– Придурки.

– Придурки, конечно. Нет, дело было в том, что я беспечно прогуливалась по Оксфорд-стрит, когда случайно наткнулась на старика Барри/Ларри/Гарри/Гэрри в обнимку с дру-

гой.

У меня отвисает челюсть.

– Кто-то другой? Другой *человек*?

– Другой человек. Женский человек.

– Законченная свинья!

– Верно?

– Ты ударила его своей дизайнерской сумочкой?

– Ни за что, кожа на этой крошке нежная, и я не хотела, чтобы она была запятнана отпечатком его лживого лица, правильно?

– Хорошая мысль.

Она испускает долгий вздох.

– Я похлопала его по плечу и сказала, что, по-моему, его пение – чушь собачья, а его игра на гитаре звучит как крик маленького ребенка.

– Все это правда. Конечно, он не может быть удивлен?

– Он воспринял это не очень хорошо. Он сказал мне, что я ревную.

– К чему? – Ему чертовски повезло, что такая, как Ливви, вообще посмотрела в его сторону! И подумать только, что есть еще одна женщина, за которой он ухаживал!..

– Кто знает?

– Какой была эта девушка? – спросила я.

– Блин, точная копия меня. На самом деле я уверена, что она моя клиентка, я помню ее межбровные морщины, они были довольно серьезными до того, как я их поправила.

– Что ж, я надеюсь, что ее межбровные линии, какими бы они, черт возьми, ни были, вернутся к тому, какими они были до того, как ты сотворила свое волшебство!

– Да, но, честно говоря, она, вероятно, тоже не знала обо мне. Такие мужчины, как он, думают, что это нормально, когда девушки встречаются на каждом углу. Ты была права насчет него.

Я бы никогда не произнесла *«Я же тебе говорила»*, когда дело касается любви – и вообще кто я такая, чтобы кого-то судить?

– Я рада, что он ушел навсегда. Ты заслуживаешь гораздо лучшего, чем такие, как он.

Она слегка улыбается мне, и я знаю, что, несмотря на ее внешне шутливое поведение, ей все еще больно.

– О нем остались смутные воспоминания. Мы бы все равно никогда не продержались долго, так что легко пришел, легко ушел...

– Хорошо. Но если тебе грустно, то и мне грустно, и мы должны сделать что-нибудь, чтобы подбодрить тебя.

– Честно говоря, мне не слишком грустно, но ночная прогулка сотворила бы чудеса.

– Значит ли это, что я должна сменить свою рождественскую пижаму?

– Так и есть.

– Вот что я делаю для тебя.

– Для меня это большая честь. Надевай свои танцевальные

туфли.

Остаток ночи мы проводим в модном маленьком баре в Шордиче, попивая коктейли по завышенным ценам и зажигательно танцуя. Я знаю, что мне следовало бы экономить деньги, а не тратить их так, словно корабль идет ко дну, но я считаю, что, когда речь идет о расставании, это необходимо сделать. Наверняка это часть кода «лучший друг навсегда» или что-то в этом роде?

Ливви вскоре забывает о Барри, когда к ней подходит симпатичный парень в очках, одетый в блейзер на пуговицах и светло-голубые джинсы. Когда она смотрит на меня через его плечо, я показываю ей большой палец. Нельзя судить о мужчинах только по выбору одежды, но из подслушанного у меня сложилось отчетливое впечатление, что у этого парня есть все необходимое. Он расспрашивает ее о ее жизни, не о том, чем ты обычно занимаешься и откуда ты родом, а о более интересных вещах, таких как: «Чем бы ты хотела, чтобы у тебя было больше времени заниматься?» и «Что ты думаешь обо всей этой истории с QAnon?».

По тому, как она прижимается к нему, я могу сказать, что она чувствует себя в безопасности, так что, выполнив обязанности лучшей подруги, я возвращаюсь на танцпол, выпускаю пар и думаю о том, как изменится наша жизнь в ближайшие недели...

Глава 7

Еще до восхода солнца мы упаковываем в машину Ливви мою драгоценную рождественскую коллекцию и направляемся в парк на распродажу из багажников.

– Чья это была идея – выпить так много коктейлей? – спрашивает Ливви, щурясь и хватаясь одной рукой за голову, а другой за руль.

– Моя, но нет ничего, что не исправил бы хороший завтрак.

В парке мы аккуратно разворачиваем рождественские украшения и раскладываем их в ряд на столе.

Подходит дама средних лет, одетая в твид. Она выглядит как младший член королевской семьи, а это значит, что у нее будут деньги, которые можно потратить впустую! Нервы заставляют меня колебаться, я сбиваюсь с толку и выпаливаю:

– Добривет. – Смесь «доброе утра» и «привета». *Фу!* Поздняя ночь творит хаос в моем мозгу.

Женщина не отвечает, а просто берет в руки каждую статуэтку Hallmark, изучает ее, а затем снова кладет на место, прежде чем перейти к Swarovski. Я стараюсь не раздражаться при прикосновении к моим любимым вещам, но, полагаю, с этим ничего не поделаешь. Почему она не может наклониться и посмотреть на них? Я буду несколько дней оттирать ее отпечатки пальцев, если она просто разглядывает товар!..

Почувствовав мое беспокойство, Ливви берет меня за руку и сжимает ее, как бы говоря: «Расслабься». Наконец женщина произносит:

– Сколько стоит коллекция Swarovski?

Моя гордость и радость. Моя единственная настоящая любовь. Мой...

Ливви тычет меня локтем в ребра.

– Эм, эм... – *Я не хочу с ними расставаться!* – Они не для...

Ливви выкрикивает цифру и продолжает:

– Редкая коллекция, пользующаяся большим спросом и, как вы можете видеть, в первозданном состоянии.

Женщина поджимает губы так, как это сделала бы женщина, носящая твид.

– Снизьте эту цену вдвое, и вы получите сделку.

Она что, *сумасшедшая*? Я уже собираюсь высказать ей все, что думаю, когда Ливви выворачивает мою руку почти из сустава.

– Ой! – Для пущей убедительности она топает мне по ноге.

– Как насчет того, чтобы еще раз разделить разницу? – говорит Ливви. *Вот предатель!*

– Что?! – Они умудряются не обращать на меня внимания, несмотря на явное повышение моего голоса.

– Ладно, ты заключаешь жесткую сделку, но я возьму их.

Жесткая сделка – она не может говорить это серьезно!

Я борюсь с мыслью о том, чтобы отдать их за бесценок,

мысленно подсчитывая, сколько стоит каждая новая вещь, в то время как Ливви начинает упаковывать их в оригинальные коробки с оригинальной оберточной бумагой Swarovski.

– Вот, заверни это, а я начну со следующего, – приказывает Ливви, как будто я простая продавщица, а не кто-то, у кого разбито сердце. К своему смущению, я ловлю себя на том, что борюсь со слезами, когда иду вручать коробку. Женщина берет ее, но я не могу полностью отпустить. Это как будто приклеено к моей ладони. Происходит перетягивание каната, когда она пытается вырвать коробку у меня из рук, и я отдергиваю ее обратно.

Ливви оглядывается и вздыхает, прежде чем схватить коробку и передать ее как ни в чем не бывало. Перебежчица. Ужасная подруга, которая думает, что попирать мои эмоции – это нормально. Бессердечная...

– Флора, – шипит она. – Помоги мне упаковать это, пока она не передумала из-за того, что ты так странно себя ведешь!

– Но...

– Никаких «но». Возьми себя в руки, пока я не убрала вино до конца недели! – Каким-то образом ей удается выплюнуть эти слова шепотом и поставить меня на место, при этом широко улыбаясь женщине. Однажды из нее выйдет потрясающая мать.

Я подчиняюсь, но бросаю на Ливви косой взгляд, чтобы она знала, что я в абсолютной ярости. Я знаю, что мне нужно

продать этих младенцев, чтобы обеспечить свою жизнь – это не значит, что я должна относиться к этому разумно! Я молча прощаюсь с каждой вещью, вспоминая ее происхождение и все связанные с ней воспоминания.

Женщина протягивает пачку наличных, которую Ливви пересчитывает.

– Было приятно иметь с вами дело.

Пока она укладывает множество коробок в свою переносную тележку для покупок, я поворачиваюсь к Ливви.

– Как ты могла!

– Как я могла что? Это была отличная цена за них, и ты это знаешь. Ты бы вообще их не продала, если бы меня здесь не было.

– Вот именно!

Она поджимает губы.

– Кому теперь нужно быть храброй, как героине Hallmark, а? – Черт возьми, она меня подловила. – Никакие перемены не могут произойти без каких-либо жертв; это *мост* к Фургонной Жизни, и ты должна перейти его.

Я использую свой лучший плаксивый голос, чтобы достучаться до нее:

– Да, я знаю, мне просто не нравится, когда богатые члены королевской семьи покупают мое барахло, моих детей, мою драгоценную...

– Отговорки со мной не пройдут. – Она зажимает мне рот рукой. – Но ты права, Флора. Это просто «барахло». Краси-

вые, блестящие мертвые грузы, которые тянут тебя ко дну. У тебя все еще есть все, что тебе дорого от бабушки, и это все, что имеет значение.

– Я ненавижу, когда ты так говоришь!

– Например, как?

– Разумно! Это приводит в бешенство!

Она улыбается.

– Через несколько недель, когда у тебя будет лучшее время в твоей жизни, ты вспомнишь этот момент и будешь рада, что добилась свободы.

– Это просто... – Но слова исчезают. Она права, и я знаю, что она права. Если я хочу, чтобы это сработало, мне нужно изменить свой образ мышления. Больше никаких оправданий. Не цепляться за прошлое. – Мне понадобится сахар, чтобы успокоиться.

– В этом есть смысл. Позволь мне. – Она уходит, и я остаюсь предоставленной самой себе, пытаюсь отогнать боль, когда вижу свободное место на столе.

Молодой папаша, носящий ребенка в лоскуте, здоровается. Малышка радостно воркует, и он отвечает ей тем же, осматривая стол. Когда он спрашивает цену за мою коллекцию северных оленей, я размышляю, действительно ли я хочу их продать. Я имею в виду, что он кажется милым и все такое... но и мои олени тоже.

Я скрещиваю руки на груди.

– Прежде чем я назову вам цену, не могли бы вы назвать

мне имена каждого из оленей Санты?

Если он знает их все, это знак, и тогда я продам ему свой зверинец копытных животных. Это тот дерзкий вид допроса, под которым подписалась бы уверенная в себе героиня Hallmark, верно?

– Вы хотите, чтобы я назвал их имена? *Все?*

– Их всего *девять*. Это не такая уж сложная задача, не так ли? – По выражению неподдельного удивления на его лице можно было подумать, что я попросила его продекламировать текст «Боже, храни королеву» дословно или что-то в этом роде.

На его лице отражается замешательство, но он говорит:

– Э-э, Рудольф. Стремительный, Танцор, Скакун, Комета, Гром?.. Сколько это? – *Любитель*.

– Этого недостаточно.

Он почесывает затылок.

– Комета?

– Вы уже сказали «Комета». – Я поедаю его взглядом.

Ливви возвращается и протягивает мне малиновый круасан.

– Эй, какой у вас там очаровательный херувимчик, – говорит она парню и делает то сморщенное лицо, которое всегда делают люди, когда рядом есть дети. – Я могу помочь?

– Вы знаете все имена северных оленей Санты?

Она бросает на меня свирепый взгляд.

– Только не это снова!

– Что? Это только справедливо, что, если он хочет владеть такой великолепной компанией, пусть знает их чертовы имена. – На мой взгляд, вполне разумно, чтобы он знал, что покупает!

– Стремительный, Танцор, Скакун, Резвый, Комета, Купидон, Гром, Молния и Рудольф, – говорит она и лучезарно улыбается мужчине. – Теперь вы знаете их все. Хотите, я заверну их для вас?

– Сколько они стоят?

– Все, что вы считаете справедливым.

Я задыхаюсь так сильно, что, кажется, сейчас потеряю сознание. Они заключают сделку, и мужчина уходит со своей добычей.

– Ты... ты уволена!

Она закатывает глаза.

– О, заткнись ты. Честно говоря, неужели моя маленькая ободряющая речь полностью вошла в одно ухо и вылетела из другого? Я доверила тебе сделать еще несколько продаж, а ты поступила так, как обычно поступаешь с потенциальными бойфрендами, когда спрашиваешь их, знают ли они все девять имен северных оленей! Это чертово чудо, что любой мужчина идет с тобой на свидание, но вот он, первый вопрос, который ты ему ляпаешь. Теперь ты делаешь то же самое с молодым папашей на распродаже из багажников. Это невероятно!

– Что ж, *извинишите* меня, мисс Божество свиданий. Мои

представления об идеальном мужчине могут отличаться от ваших, но мне нужно заранее знать, совместимы мы или нет. Что касается первых вопросов, то этот чертовски хорош, если спросить меня.

Она фыркает.

– Я больше не собираюсь затевать этот спор о «первом вопросе». Нужны тебе деньги на поездку или нет? Потому что, если ты этого не сделаешь, мне лучше лежать в горизонтальном положении на диване, пестуя похмелье, чем находиться здесь. Ты мешкаешь вообще, потому что делаешь это по-настоящему, или нет?

Я откусываю кусочек от своего круассана, чтобы она, черт возьми, могла дожждаться ответа. И еще потому, что я на самом деле не могу придумать ни одного.

– Ну?

Я смахиваю крошки.

– Я дура. На этот раз я действительно это имею в виду.

– Ты и *есть* дура.

– Только это трудно отпустить. С чем угодно меня бы это ни на йоту не волновало, но это мои милые драгоценные малыши, и я не вижу ничего плохого в том, чтобы опрашивать людей, чтобы убедиться, что они попадают в нужные дома.

Ливви сидит рядом со мной и потягивает кофе.

– Ладно, хорошо, я это понимаю. Задавай вопросы, но старайся не прибегать к этой устрашающей тактике отвода глаз; это на самом деле пугает, как будто ты пытаешься загипноти-

зировать их или что-то в этом роде. И сделай свои расспросы немного более тонкими.

– Должным образом принято к сведению. Я поработаю над своим общением.

Это то, что мне больше всего нравится в Ливви; мы можем пререкаться и спорить, как сестры, но довольно быстро миримся, когда одна из нас понимает, что мы неправы – обычно я.

Если я действительно собираюсь преуспеть, мне придется продать столько, сколько смогу, включая всю домашнюю потрепанную подержанную мебель, которая хранится у меня на складе, и получить достаточно денег, чтобы продержаться, если рождественская ярмарка в Лапландии окажется не такой прибыльной, как я надеюсь.

Глава 8

Середина ноября пролетает так быстро; до сих пор у меня не было ни минуты, чтобы переосмыслить себя. Вся моя жизнь упакована в один рюкзак размером с человека. Я чувствую себя свободнее, легче, продав практически все остальное, что у меня есть, включая все мои вещи, которые слишком долго хранились на складе. Это говорит о том, что мне не нужно это «барахло», на самом деле – я только надеюсь, что позже не пожалею об этом. Я стараюсь не представлять себе катастрофу, например, как я возвращаюсь домой через месяц, поджав хвост, и стучусь в дверь к родителям с просьбой о помощи. Как раз в тот момент, когда я чувствую себя подавленной, я слышу голос бабушки в своей голове: *«Ты потрясающая, Флора, и все получится»*. Я посылаю безмолвную благодарность тебе на небеса. Бабушка присматривает за мной, я знаю, что это так. Я могу это сделать, и я сделаю это!

Я натягиваю рюкзак и падаю вперед, когда в поле зрения с визгом появляется пол. «Блиин!»

Ливви выбегает из своей спальни.

– Серьезно, Флора! Что у тебя там внутри? Похоже, ты собираешься путешествовать по Гималаям большую часть года или что-то в этом роде. Оставь здесь кое-какие вещи. Я могу положить их на хранение вместе со своим снаряжением.

– Но мне нужно все это.

– Ты упаковала летнюю одежду, не так ли? Даже после того, как ты пообещала, что не будешь этого делать.

– Ну и что с того, что я это сделала?

– Зачем тебе зимой в Лапландии летняя одежда?

Я разочарованно вздыхаю.

– Это чрезмерное подчеркивание, Лив. Что, если я встречу каких-нибудь гламурных путешественников-миллиардеров, которые подумают, что я – душа вечеринки, и предложат отвезти меня на свою частную яхту на долгие выходные на Багамы, а потом я застряну, потому что у меня есть только зимние шерстяные вещи? Ты же точно не можешь носить пуховик на Багамах, не так ли? Существует реальная угроза, что я спущусь с палубы и умру какой-нибудь трагической смертью в Атлантическом океане, и ты не найдешь моего тела и всегда будешь задаваться вопросом, что произошло. Я попытаюсь отправить сообщение с того света, например написать на запотевшем окне ванной, но ты, будучи такой помешанной на аккуратности, даже не прочтешь его; ты просто сотрешь его жидкостью для стекла...

– Если какие-нибудь миллиардеры пригласят тебя куда-нибудь, ты скажешь «нет», потому что это не твое дело.

– Ну а что, если...

– Открой рюкзак.

Я хмыкаю и открываю чертову сумку. Ливви выхватывает летнюю одежду и говорит:

– Нет, нет, нет, определенно нет, нет, да, нет. Что за черт? – Она разворачивает мою искусно спрятанную под футболкой стеклянную посуду. – Зачем тебе бокалы для шампанского?

Я закатываю глаза, как будто она самый тупой человек на планете.

– Чтобы выпить за мою новую жизнь, когда я приеду, конечно!

Она разыгрывает драматический спектакль «обиженный-надутый».

– Ты разобьешь их прямо в дороге. Если не раньше.

– Ладно, хорошо, я оставлю их здесь. Но это *слишком* раздражает, когда ты постоянно оказываешься права в чем-то.

Ливви ничего не говорит, но продолжает рыться в моих вещах, как будто ищет контрабанду или что-то в этом роде. Когда я замечаю легкое подрагивание ее плеч, я понимаю, что она плачет.

– О, Лив, не начинай всего этого, иначе мы никогда не остановимся! – Я наклоняюсь, чтобы обнять ее, и она вытирает глаза.

– Я знаю, это глупо, просто все кажется таким чудовищным, когда мы обе вот так уходим. И ты потенциально продолжаешь свои кочевые скитания в течение многих лет! Я никогда не прощу себе, что предложила тебе фургон, если ты это сделаешь.

Я вытираю свое собственное лицо.

– Как будто это произойдет. Мы не можем быть ужасной парочкой, если каждый из нас сам по себе.

– Я знаю. Просто это будет так странно без тебя рядом со мной. Вокруг не останется никакой грязной посуды. Никто не украдет мою одежду. Не станет высмеивать новых бойфрендов. И кто будет не давать мне спать все это время, распевая рождественские гимны? Никто, вот кто.

– Когда ты так говоришь, я вижу, что мой отъезд будет для тебя разрушительным. – Мы обе скрючиваемся пополам от смеха и плача.

– Это точно будет... по-другому.

– Если бы это был фильм Hallmark, то именно здесь фотомонтаж начинался бы с этой ужасающе грустной музыки, под которую мы вспоминаем о том, как далеко мы зашли.

– От косичек до брекетов, мальчиков, до того, чтобы взять в свои руки бразды правления нашей взрослой жизнью, и теперь мы подходим к развилке дорог, где прощаемся и идем каждый своим путем.

– Только ненадолго. – Я кладу голову ей на плечо. Мы были бок о бок во всех жизненных взлетах и падениях, и без Ливви я не знаю, кем я буду как личность. Мы сформировали друг друга, всегда оставаясь единой константой, на которую мы могли рассчитывать после смерти бабушки. Но я знаю, что мне нужно что-то сделать, прежде чем моя жизнь застопорится и я никогда не выберусь из этой колеи. Мне нужно доказать себе, что я могу сделать это самостоятельно,

что я на это способна, как бы сильно я ни скучала по Ливви в процессе. Я уверена, что она чувствует то же самое.

Ливви складывает мою одежду в аккуратную стопку.

– Это будет твоим становлением, Флора. Мне не терпится увидеть, куда приведет тебя это приключение.

– Лапландия, место, о котором я всегда мечтала, кажется подходящим выбором для начала этого эпического приключения. Разве это может быть не идеально под светом северного сияния? – Я думаю об этом мерцающем волшебном небе и знаю, что, если моя вера совершит прыжок, то я наверняка буду вознаграждена новым взглядом на жизнь и некоторыми собственными целями, к которым стоит стремиться. – И ты, покоряющая мир своей гениальной линейкой средств по уходу за кожей и потрясающей трудовой этикой. – Я почему-то вижу Ливви в Лос-Анджелесе. Пьет эти тощие зеленые соки и загорает на пляже Малибу.

– Нам повезло, Флора, что мы можем попробовать свои силы в другой стране, прожить совершенно новую жизнь – мы просто должны помнить об этом, когда тоскуем по дому и скучаем друг по другу. Давай, – говорит она. – Давай перепакую половину этого, а потом тебе лучше уйти.

Мой самолет в Стокгольм вылетает через четыре часа. Последние несколько дней время пролетело незаметно, пока я просматривала свой список дел, составленный Ливви. Ей еще многое нужно сделать в клинике, прежде чем она улетит в Лос-Анджелес, так что она пока не в панической стадии

и скорее всего никогда там не будет. Она слишком организована для всего этого, и даже переезд в другую страну не взъерошит ее перышки.

Я тяжело вздыхаю, ненавидя затянувшееся прощание.

– ЛАДНО. Я оставила в своей спальне небольшой беспорядок, так что ты можешь прикинуться, что я еще здесь. Там несколько грязных чашек и тарелок, несколько пустых упаковок из-под чипсов, засунутых за кровать, и все в таком роде. Не нужно благодарности.

– Ты настоящая милашка, что так думаешь обо мне. – Она качает головой. – И я уверена, что новый менеджер клиники, Мэрион, будет в восторге, обнаружив весь твой мусор, спрятанный по всей квартире.

– Для нее это будет что-то вроде обряда посвящения.

Тридцать минут спустя я полностью собрана и готова к отъезду, с бокалом шампанского в руке, когда мы поднимаем тост за мое путешествие.

– Помни, что нужно быть собой, Флора. Ты идеальна такая, какая ты есть, со своими странностями и всем прочим, и мистер Холлмарк найдет тебя, и любовь расцветет!

– Спасибо, Ливви. Я беззастенчиво буду самой собой! А мой герой, что ж, он будет прятаться у всех на виду, вероятно, пекарь или владелец кафе, который ждал, когда сгоревшая женщина из большого города одумается и переедет в маленький городок.

– Держу пари, у него ферма по выращиванию рождествен-

ских елок! Суровый местный житель, который поклялся в любви...

– Да! Тайный миллиардер?

– Или враг влюбленных! Или что-то близкое? Может, у него по соседству есть симпатичный маленький кофейный фургончик?

– Мне лучше собраться с духом из-за всех этих нестыковок, поскольку вокруг него куча женщин, строящих ему глазки. Я, вероятно, захочу умыть руки, пока однажды он не удивит меня?..

Она поднимает палец.

– Он посвятит тебе кофе под названием «Флора Флэт Уайт»... Подожди.

Я смеюсь.

– Ладно, может, и нет, но мы на правильном пути.

– Конечно. – Раздается звуковой сигнал. – Это твой Uber.

– Спасибо, что заплатила за него.

– Не за что. Мне невыносима мысль о том, что ты будешь в метро с этим огромным довеском. – Она указывает на мою сумку. – Уходи, пока снова не начались слезы. В клинике у меня не могут быть опухшие глаза, иначе никто не поверит, что мне двадцать.

– Тебе почти тридцать.

– Кто сказал?

Я обнимаю ее в последний раз, и мы обе разражаемся слезами.

– Люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, сказочная Флора. Иди, найди этого сурового владельца фермы рождественских елок.

Я смеюсь.

– Я так и сделаю.

Глава 9

Когда я прибываю в Стокгольм, рюкзак кажется тяжелее, чем когда-либо, пока я обхожу оживленный терминал и выхожу на улицу.

Воздух свежий, поэтому я спешу найти свой бесплатный трансфер из аэропорта. Ливви забронировала мне отель в качестве прощального подарка – я не могу дождаться, когда увижу его. Я оставила ей на кровати с уходом пакет в качестве сюрприза. Коробка, полная рождественских вкусностей, чтобы она могла заедать свои чувства, если ей грустно. Я отдаю документы на проверку и спрашиваю, как добраться до автобуса, и мне говорят, что это в пяти минутах езды и что нужно сойти на остановке Джамбо.

– Остановка Джамбо, – объявляет водитель автобуса по-английски.

Я выглядываю в окно и вижу припаркованный большой реактивный самолет Boeing 747. Это не обычный самолет. *Это отель!* Я благодарю водителя и выпрыгиваю из автобуса, взволнованная тем, какой сюрприз приготовила для меня Ливви.

Я нахожу пункт регистрации, и меня встречает администратор, которая сообщает мне, что Ливви забронировала номер люкс в кокпите.

– Позвольте мне показать вам.

Комната потрясающая; все приборы находятся в изножье кровати, а к потолку прикреплен телевизор с плоским экраном.

– Мне это нравится.

Администратор рассказывает мне о кафе и лицензированном баре, а также о зоне отдыха на крыле самолета, которую я видела с летного поля. Это такое необычное место для отдыха, и оно как раз по моей части.

После того как она уходит, я нахожу свой телефон и отправляю сообщение Ливви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.